

ВЛАДИМИР СТРЕЛЬНИКОВ

ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЕЦ

ГОРЯЧАЯ ЗИМНЯЯ ПОРА

Владимир Стрельников

**Ссылнопоселенец.
Горячая зимняя пора**

«Автор»

2022

Стрельников В.

Ссылнопоселенец. Горячая зимняя пора / В. Стрельников —
«Автор», 2022

Отправленный в ссылку Матвей Игнатъев сумел выжить на планете-тюрьме, на планете, где когда-то существовала иная цивилизация, от которой остались руины городов и многочисленные артефакты. Матвей стал одним из тайных агентов Корпуса Эдикта, а учитывая, что законы на планете ссылных суровы, то зевать служителю этих законов нельзя ни в коем случае, просто опасно для жизни.

© Стрельников В., 2022

© Автор, 2022

Владимир Стрельников

Ссылнопоселенец. Горячая зимняя пора

Механические часы на стене звонко отсчитывали секунды. Правда, я каждое утро подвигал их, выбирая разницу между земным и местным временем, благо с работающей нейросетью это никаких проблем не составляло. Голый камень стен украшала пара картин, довольно умело нарисованных пейзажей в грубых рамах из мореного ореха, рядом висели несколько реплик кремневых и капсюльных ружей. Одну стену прикрывал гобелен, изображающий космическую станцию и пару корветов на подлете к ней на орбите Земли. Правда, с опознанием корветов трудновато: это было что-то среднее между нашим, земным 7003 проектом и «Юнлингом» Евросоюза. Станция же вылитая «Сатурн-31», правда, что этот антиквариат, распиленный на иголки около ста лет тому назад, делает около Земли, понять невозможно. Само собой, картины покупала девушка, а вот гобелен и дульнозарядки купил я.

У этой же стены стояла оружейная пирамида из светлого бука, в которой был довольно внушительный набор ружей и винтовок, великолепно гармонирующий с общей обстановкой в комнате, но странно смотрящийся рядом с изображением относительно новых космических кораблей.

Красивая девушка, да-да, та самая, что покупала картины, в пушистом сером свитере на голое тело, сидела на подоконнике, обняв обнаженные колени руками и положив на них голову. Роскошная черная коса была переброшена через плечо и лежала на высокой груди. Девушка грустила. Сидела и смотрела на улицу сквозь грубокатаное стекло, на которое попадали и тут же замерзали дождевики.

– Дождь. Представляешь, Матвей, идет дождь! Две недели морозов, Великая уже встала – и дождь! – Вера отвернула голову от заледеневшего стекла и поглядела на меня, валяющегося на кровати. – Ты вообще сегодня встать думаешь?

– Воскресенье же, Вер. Можно и поваляться. – Я потянулся, хрустя суставами, и с огромным удовольствием зевнул. – Так сказать, и у тебя и у меня законный выходной. Герда и то вон встать не хочет.

Голована подняла тяжелую голову с лап и коротко, гулко гавкнула. Потом передала ощущение мокрой шерсти и холодного ветра, который мешал идти по ледяной корке.

– И гололед, Герда передает. Неужели ты хочешь куда-то идти? – Я в конце концов сел на кровати.

– Хочу в ресторан. Не в трактир, а в «Царь-Рыбу»! Красиво одеться, вкусно поесть, послушать музыку. Матвей, неужели тебе это непонятно? – На меня рассерженно глянули сине-зеленые глаза. Кстати, я обратил внимание на одну особенность – когда Вера сердится, у нее глаза как будто искрятся. Такое впечатление.

Когда я спросил у нее, почему так, мне прочли целую лекцию по менталистике. В общем, все дело в моей возросшей чувствительности и в том, что Вера мне очень близкий человек. Потому мне и кажется, что глаза искры мечут, так я воспринимаю резкое ментальное излучение. И по словам Веры, есть несколько чрезвычайно сильных менталистов, которые могут лишиться человека сознания ментальным ударом. При этом другие менталисты видят молнию, поражающую жертву, которая вылетает из глаз атакующего. Прямо-таки фантастический фильм – из старых, еще 2Д.

– Все, понял. Но, наверное, это надо или на обед, или на ужин идти. Сегодня воскресенье, так что лучше на обед. – Я в конце концов выбрался из кровати, подошел к тлеющим в камине дровам и подбросил несколько поленьев. Из-под колотых деревяшек появилась струйка дыма, и вскоре веселые язычки пламени побежали по кускам дуба и бука. – А вообще я тоже могу приготовить что-нибудь. Молчу-молчу, – усмехнулся я, глядя на возмущенную девушку.

И, коварно подкравшись к ней, схватил ее в охапку и пару раз крутанулся вместе с ней. – Но тогда, солнце мое, тебе придется компенсировать мой душевный голод и телесные страдания!

И оказавшаяся в кровати девушка была лишена единственной одежды. Впрочем, Вера от этого ничуть не смутилась, и вскоре ведущая роль перешла к ней. На какое-то время.

Так что на поздний обед в «Царь-Рыбе» мы собрались изрядно проголодавшимися. Зато с отличным настроением. И даже гололед нам его не испортил. Наоборот, развеселил.

Герда, правда, не пошла, пожаловалась на ноющую лапу. Так мы пообещали ей принести чего-нибудь вкусенького.

– Здравствуйте, Вера, Матвей. – К нам подошла молоденькая белобрысая девчонка – Елена Котова, дочь хозяина этого заведения. Да, хозяин этого ресторана уже почти тридцать лет как здесь. Умудрился в то время найти себе женщину, сумел отстоять, сумел вместе с ней родить и выходить трех отпрысков. А это по тем временам реально подвиг. – Ваш любимый столик свободен, так что усаживайтесь. Вот, пока держите меню, а я схожу к музыкантам. Они с удовольствием для вас сыграют.

Ну да, как-то получилось, что и Вера и я стали в Звонком Ручье своими. Вера врач, я офицер полиции. Если Веру женщины любят и даже почти боготворят, то меня просто уважают. Надеюсь, что заслуженно.

– Сейчас они появятся. А пока вот меню. – Мы едва успели устроиться за столиком из великолепного дерева, как Лена прибежала снова. – Вера, потрясающе выглядишь! Роскошное платье! Эх, еще бы туфельки на высоких каблуках, как в журналах мод... – Ни разу не бывавшая за пределами этой планеты девчонка грустно вздохнула.

М-да, планеты. Как оказалось, у нее есть название. Точнее, целых два. Номерное человеческое – и на языке Прошлых. Нантли, или Мать. Тут, правда, не все так просто, по словам Веры. Не просто мать, а мать всего сущего, вроде так правильно перевести ее ощущения. В принципе абсолютно верно, Земля тоже мать человечества.

– Лен, у тебя и так каблукочок восемь сантиметров, не меньше. Для того чтобы каблук сделать выше, нужны уже серьезные технологии, – улыбнулась Вера, поправив на коленях нежно-голубое платье. На самом деле великолепное – Айк, владелец универсального магазина и по зову души местный кутюрье, свое дело знает отлично. И самое главное, он получает от этого удовольствие. Для него нарядно одеть красивую девушку – настоящее наслаждение, и он тратит на это немало времени.

Так что Вера выглядит потрясающе. Такой девушке в таком платье и в ресторан верхнего уровня на Земле вполне пройтись можно, не потеряется. Напротив, внимание ей гарантировано. И от мужчин и от женщин. Однако если и состоится это, то очень не скоро. Вера отказалась покидать меня, категорически. А у меня – пожизненное.

Вся эта планета, этот ресторан, наш флигель, этот поселок – это все тюрьма. Планета ссыльных. Я здесь уже пару месяцев, и надо сказать, что указанное время было достаточно бурным и деятельным. По крайней мере, кой-какую карьеру и Вера и я уже сделали.

– Что возьмем, Матвей? Смотри, сколько тут всего интересного. – Вера передала мне меню. – Бобрятина, запеченная с белыми грибами и картофелем, – это как, вкусно?

– Наверное. – Я пожал плечами, вспоминая здоровенных зверюг, плавающих в ручьях. – Мясо, приготовленное мастером, невкусным быть не может. Тем более свежее мясо. Но меня больше заинтересовало «заливное по-царски». Многообещающее название, прямо скажем.

– Ну, так давай возьмем и то и то, попробуем. Я проголодалась! – Вера вроде как капризно надулась и рассмеялась. Потом оглянулась на треньканье гитары и пиликанье скрипки. Музыканты, молодые ребята, три парня и девушка, настраивали инструменты. Гитары и скрипку делали здесь, на этой планете, и, по словам Веры, они требовали постоянных подстроек. Я, впрочем, мало понимаю в этом, слух у меня хороший, то есть слышу все великолепно, но мне, как говорится, «медведь на ухо наступил». С удовольствием слушаю игру музыкантов и пение

солистки, но сам пою все на один мотив. Причем ничто в этом не помогало, даже современнейшая аппаратура не выручала в барах-караоке.

– Лена, а разве бобры – рыбы? – с подначкой спросила у подошедшей девчонки Вера. Любит она это дело – кому-либо под шкуру залезть, хоть и делает это изящно и элегантно.

– Ну, они, по крайней мере, в воде живут, – засмеялась Ленка, записывая заказ. Захлопнула блокнот и, посмотрев на нас, предложила: – Заливное холодное блюдо – давайте его сначала, бобрятину попозже. Кроме того, для разгона предлагаю уху, по чуть-чуть. Не сомневайтесь, уха отменная. Отцу отборных стерлядей привезли, возьмите – точно не пожалеете. И что будете пить? Есть хорошее виноградное вино, прошлогоднее. Правда, не белое и не красное. Но очень вкусное, от испанских купцов досталось. Отец на всю зиму запасы сделал.

Ниже по течению Великой обнаружили страшно запущенные виноградники. Как мне рассказывал Илья, некоторые лозы метра полтора в обхвате. Там выросли было деревья – так их виноград задавил, как удав. Жутковатое зрелище, опять же по словам шерифа. Но когда это увидели итальянцы и испанцы, точнее, потомки итальянцев и испанцев, люди с латинских планет, – их восторгу не было предела. И вот уже пару десятилетий они окультуривают старые лозы, попутно собирая урожай и с одичавших. И делают очень хорошее вино.

Из-за виноградников даже короткая войнушка вышла, как раз с французами и их союзниками. И наши помогли потомкам конкистадоров и макаронникам. Потому у нас мир, дружба, жвачка. Хорошая торговля, довольно хорошие отношения вообще. А вот с конкурентами плохо: речное пиратство процветает.

Впрочем, это дела давно минувших дней, и особо заморачиваться над этим я не собирался. Главное, чтобы ничто не отвлекло от хорошего отдыха, а то у нас всякое бывает...

– Зря приехали. – Федька подошел к груде обгоревших бревен, в которых с огромным трудом угадывалось зимовье. – Все спалили, гады.

– Федь, людолов говорил про захоронку. То есть закопанную. Сейчас попробуем растащить головешки – и пошарим в земле. – Я распряг Красаву и выволок из саней пару длинных цепей. В отличие от Федора, сгоревшая избушка для меня сюрпризом не была. Я ее уже видел со спутника. – Так что просто поработаем побольше.

– Все тебе работать. – Федька фыркнул, натягивая грубые кожаные перчатки. – Сразу видно капрала: чем бы солдат ни занимался – главное, чтобы...

– Заколебался, правильно, – кивнул я, надевая такие же. – Все верно, главный принцип военной службы. Ну как, приступим? – И я перебрал один из добротных багориков другу. Взял второй и зацепил первое из бревен. – Герда, а ты бди!

Из саней фыркнули. Голована зарылась в груды соломы и балдела в тепле, даже носа на морозец казать не собиралась. Мол, вам надо – бдите, я ограничусь сканированием местности. И покидать теплую и душистую солому категорически не собираюсь.

Мы с Федькой долго пыхтели, разгребая завал. Самые тяжелые бревна цепляли цепями и оттаскивали при помощи Красавы. Постепенно и Федька и я стали похожи на трубочиста из Звонкого Ручья. Мужик зимой оказался очень востребованным и весьма неплохо зарабатывал. Даже я его вызывал, когда ворона умудрилась в трубе застрясть. Не просто вызывал, а чуть ли не бегом искал. Когда полный дом дыма – забегаешь.

Расчистив площадку под зимовьем, я приволок головану и попросил ее проверить, есть ли что здесь.

Герда недовольно гавкнула, передав мне ощущение горячей помойки. Ну да, запах гари и я чую, и еще как. Пару раз пройдясь по гари, голована, оставляя черные отпечатки, пошла к саням, передав чувство полного бессилия.

– М-да. Порой и голована не может помочь. – Я почесал затылок. Потом развел руками. – Не знаю, Федь, что делать, хоть перекапывай всю площадку.

– Ну, это тоже выход, – кивнул друг, вытаскивая из саней свою мосинку и откидывая штык. – Но есть способ попроще. Мы так прошупывали улицы в городе Прошлых, а то там за тысячи лет все занесено. Вот согласился бы ты с Верой летом попробовать там пошмонать – озолотиться можно.

– погоди, я попробую локаторами. – В свою очередь я вытащил две толстые медные проволоки, согнутые под прямым углом, и пару коротких трубочек. – Эмпат я или не эмпат?

– Было бы намного лучше, коль ты был бы лозоходцем, – скептически проворчал Федька, наблюдая за моей прогулкой по пожарищу.

Впрочем, к моему удивлению, проволоки задрожали и сошлись под углом.

– Ключет? – Федька подошел со своей винтовкой и пару раз ткнул штыком в землю. – А ведь здесь помягче земля. Смотри, тут плотная и смерзшаяся, как камень, а тут помягче. Похоже, что-то копали.

– Вот давай и проверим. И не дай бог, снова этот покойный людолов нас надул. Лично найду медиума, пусть вызовет его духа и заточит в бутылку. А я сам посередине Великой ее утоплю!

Из саней Федором были извлечены кирка и пара лопат. После чего он скинул полушубок и, плюнув на ладони, богатырским размахом всадил кирку в землю, взломав хрусткую мерзлую корочку.

Как говорит старая армейская поговорка, два солдата заменяют экскаватор. Мы не солдаты, но приличную яму выкопали достаточно быстро. И сейчас, пыхтя, выволокли на свет божий большой сундук, перемазанный жирной красной землей.

– Ну что, Матвей, придется тебе медиума искать! – Федор сплюнул с досады, вытащив из сундука бронежилет с плохо отмытой кровью. – Ну мурло людолов, даже сдохнуть честно не смог! Это же «горячее» шмотье, нас за него Корпус на лоскуты порвет.

В сундуке были шесть автоматов Калашникова, один пулемет М249, бронежилеты, каски, несколько пистолетов Кольта правительственной модели. Магазины в разгрузках, пулеметные ленты. Плюс пара битком набитых ранцев.

– Не порвет, Федь. Забыл, что у меня нейросеть активирована? – Я вынул один из автоматов, снял с него крышку и, вытащив затвор с затворной рамой, глянул на канал ствола. – Но людолов точно двойная мразь.

– Да, Матвей, ты так и не рассказал, как сеть активировал. – Федька уселся на открытый сундук. – Колись давай.

– А колоться особо нечего. Ты же про Прошлых помнишь? Так вот, Корпус предложил работать на него в розыске артефактов. Ну, археологом фактически. – Я сложил автоматы в сундук: лишний раз светить ими не стоит. А вот пригодиться они еще как могут. Пулемет – тем более.

– Археолог, значит... – Федька свернул самокрутку и сосредоточенно задымил. Потом встал, прихватил свой винтарь и вновь начал тыкать штыком в пожарище. – Хреновые мы с тобой археологи, Матвей. Смотри, тут снова копали. Давай тащи лопаты.

На этот раз улов был посущественней. Не сказать что чересчур много, но примерно полпуда кварца с вкраплениями золота, шесть револьверов, пять винтовок совершенно разных моделей, кiset с грубыми золотыми монетами, мелкими слитками и самородками, на несколько тысяч точно.

– Ну вот, не придется на медиума тратиться. – Довольный Федька, вытряхнув монеты на расстеленную тряпку, с удовольствием пошерудил, звеня золотом. – Хоть что-то есть, можно и дом строить.

– Ну да, бедненький. – Я усмехнулся, проверяя винтовки и револьверы. В паре пистолетов в барабанах были патроны, оружие было нечищеным, придется повозиться с шомполами и

ершиком. – Давай все кладем в сундук поверх автоматов – и везем ко мне. Там выгружаем и делим, а автоматическое я спрячу. Не стоит его светить.

– А эти?.. – Федор ткнул пальцем в небо.

– Уже. Рекомендовано не показывать его ссылкой. И насчет тебя: вопрос прорабатывается. – Я засмеялся, глядя на ошарашенного Федора. – Да-да, Федь, рекомендовано обговорить с тобой условия найма Корпусом.

– И кем это? – подозрительно прищурился товарищ, стирая снегом с рук копать. – Стукачом не пойду, сразу скажу.

– Федь, тебя по уху стукнуть? – ласково спросил я Федьку, но тот на всякий случай отодвинулся подальше. – Мы с тобой вроде как друзья, а друзей в стукачи не вербуют. Да и не умею я это делать. Вольным поисковиком тебе хотят предложить, ты ведь любишь по руинам шариться? В любом случае не открутишься, Федь. Тут, как говорится, коготок увяз – всей птичке пропасть.

– Умеешь ты обрадовать, друже, – укладывая оружие в сундук, усмехнулся товарищ.

На пару с Федором мы, крикнув от натуги, закинули трофеи в сани, после чего туда же была помещена Герда. С лошадиной морды сняли торбу, в которой недавно был овес, Красаву запрягли в сани, и вскоре мы выехали с достопамятной поляны.

– Поглядывай, Матвей, не нравятся мне зрители. – Федор недовольно кивнул на пару здоровенных воронов, сидящих на краю березы и наблюдавших за нами все это время. – Как будто поживы ждут.

– Так, похоже, они и волки тут неплохо поживились. – Я пожал плечами, разгоняя холодок, пробежавший вдоль позвоночника. – Брр, от той бандитки только обрывки одежды остались.

– Лучше от нее, чем от нас, – философски заметил Федька и чуть щелкнул вожжами. Не для того чтобы скорость Красаве прибавить, а просто напомнить ей о своем присутствии. – Не зря тех, битых около Звонкого ручья, под лед спустили. Нечего волков к человечине приучать. Тут они такие, что ой-ой, наглые и злющие в конце зимы.

– А на живых они как, нападают? – В голове вроде как начал формироваться кое-какой план. Как в старом мультике: «Есть ли у вас план, мистер Фукс?»

– На большие обозы – нет, никогда. На одиночные сани могут, но только ночью и чаще всего из засады. И только тогда, когда возникнет один. Тут оружия много, без него за порог никто не ходит. Смотри, соболь! – Федька ткнул в сторону небольшой елки, по веткам которой пробежал небольшой плотный зверек. – Надо бы капканов тут понаставить, но ведь за ними следить надо, а то разорят. Просто так животину губить не стоит.

– «Зеленых» на тебя нет, Федь. Для чего тебе шапка соболя, боярин? – Я растянулся в санях, глядя, как в морозном небе кружится пара воронов. Везет птичкам, крылья есть. Вот мало о чем я скучал, кроме полетов на боте в космосе или на легком глайдере в атмосфере. Этого не хватало – не сказать чтобы критично, но не хватало. – Пусть бегают зверушки, шапка у тебя и волчья неплоха.

На самом деле у Федора была отменная шапка-треух из волчьей шкуры. Да и у меня такая же, причем, похоже, из шкуры того же волка. Герде было сначала они не понравились – ходила, морщилась. Но притерпелась, когда я сказал, что у меня нет шубы, как у нее. Впрочем, сейчас голована лежит у меня под боком, прикрытая плотным пледом, и аж похрапывает. Охраняет, называется.

– Ты чего напеваешь? – не оборачиваясь, спросил Федор.

– Я? А, старые революционные песни. У меня таких песен начала-середины двадцатого века штук с пятьсот закачано. Вот и пою. – Я закинул руки за голову и изо всех сил выдал: – «...И непрерывно гром гремел, и ветры в дебрях бушевали!»

С деревьев шумно слетела стая тетеревов, Красава чуть не встала на дыбы, а Федор свалился с саней.

Только Герда продолжала невозмутимо сопеть у меня под боком.

– Ты чего, одурел? – Из-под саней выскочил ошалевший напарник, отряхивая свой трух. – Чего орешь? Вон пташек распугал, дубина. Лошадь чуть оглобли не сломала, а он ржет как конь!

– Так настроение хорошее. – Я потянулся, хрустя суставами. – Домой еду, там любимая девушка ждет. Кой-чего набрали, что в деньгу обратить без проблем, чего грустить, Федь?

– Вот тоже найду себе любимую девушку – тоже взвою! – Федька запрыгнул в сани, распутал вожжи и чуть стегнул ими Красаву. – Но, пошла!

А я перебирал старые песни, папку с которыми случайно нашел среди тех, что сбросил мне еще в тюрьме старый киборг.

Вдруг одна из песенок развернулась в видеофайл, с которого на меня смотрели рдеющие подсветкой камеры главного корабельного старшины.

«Капрал, здравия желаю. Раз ты видишь эту информацию, значит, тебе удалось активировать нейросеть. От этого закладка ожила. Передаю эстафету, Матвей».

И старшину сменил сухощавый тип в мундире капитана первого ранга. Среди поплавок на мундире был один, такой непримечательный. С крыльями нетопыря. Военная разведка.

«Капрал, приветствую. Раз ты сумел обойти системы гашения нейросети, то считай себя восстановленным на службе в морской пехоте и переведенным в «Нетопыри» в звании сержанта. – Кап-раз неторопливо приложил руку к козырьку фуражки и рублеными словами командовал: – Слушай боевой приказ, сержант! Приказываю – произвести максимально возможную разведку. Собрать данные обо всем, могущем нести опасность Земной Федерации. Принять меры к глубокому внедрению, адаптации, легендированию в среде обитания! По окончании сбора информации упаковать ее в конверт. И при первой возможности отправить в разведотдел флота. Способ и средства связи даст куратор. Куратором назначается главный корабельный старшина «Сайборг». Твой позывной – «Гонец». Конец связи, сержант».

И офицер пропал. Впрочем, вместо него всплыл наш канонир.

«В общем, так, сержант. Никакой власти над тобой у нас нет, есть только присяга. Если она для тебя не пустой звук, то начинай собирать сведения. Если что найдешь угрожающее Земле и человечеству – вывернись наизнанку, но сумей отправить сведения. Удачи, Матвей».

И старшина пропал, как корова языком слизнула. А вместо файла с разведчиками появилась запись той самой песенки.

Покачав головой, я улегся поудобнее. Вот уж не думал, что наш артиллерист на разведку работает. И как мне отправлять эти сведения, если что и всплывет? Вообще-то надо подойти к куратору, так как я сейчас работаю на другой корпус. Придется доложить по команде. Пусть Браун думает, мне шпионские игрища никогда не нравились...

– Надо же, какие закладки флот делает. – Сэм снял чайник с плиты и разлил по стаканам кипяток, после чего плеснул в граненые стаканы из заварочника. Густой запах трав и лимона пошел по кухне, где мы сидели. Точнее, сидел я, котяра развалился у меня на коленях, а Герда лежала на старом диванчике. Каким-то образом эти две зверюги примирились и, можно сказать, заключили договор о ненападении. – Значит, звание тебе повысили и в «Нетопыри» перевели. Ну-ну, придется докладывать по команде, пусть сами с флотом решают, что и как. В принципе тут никаких особых проблем, просто бюрократия. И есть такой момент – если тебя восстановили на службе, с тебя снят приговор. Значит, ты выходишь на совсем другой допуск. И вероятно, получишь с Верой право на отпуск за пределами этой планеты. Разумеется, под подпиской о неразглашении и вне зоны метрополии, нечего собак злить. Но все это вопрос

нескорый: пока согласуют, пока утвердят. Минимум – два месяца, а скорее – полгода. Так что постарайся уцелеть. Полгода – в этих местах срок немалый.

– Если так, то неплохо, – кивнул я. Осторожно отпил взвара, после чего поставил стакан на стол из толстых грубоструганых досок. – Еще бы небольшой шлюп или коптер – вообще красотища будет. Сэм, ты сам погляди, ведь для того чтобы всерьез обследовать хотя бы одно старое городище – нужно летало хоть какое-то. Хоть глайдер, хоть коптер. Конечно, бот или шлюп вообще красотень была бы, но... – Я развел руками. – И это, как насчет Федора? Мне просто необходим напарник.

– Тебе команда нужна, а не напарник. Но мы пока не можем сделать это здесь, на этом континенте. Пойми, Матвей, тут слишком серьезная обстановка, любое резкое движение может привести к вспышке насилия, конфликту, а то и к войне анклавов. Нам это не нужно совершенно. Есть другое предложение, от меня. – Сэм тоже отхлебнул чаю. Я, кстати, заметил, что он не любит кофе, а вот травяные сборы просто обожает. – Нужно человек пятнадцать-двадцать, надежных и серьезных. Очень надежных. И тогда я смогу попробовать пробить у начальства, – тут Сэм ткнул пальцем в потолок, – разрешение на ваше переселение на другой континент. Или на другой конец этого континента. И соответственно включение вас в поисковые партии Корпуса. А там, глядишь, постепенно сможем часть переселить, а остальных по новой цивилизовать хоть минимально.

– Сэм, тут вряд ли выйдет именно это. – Я покачал головой, автоматически погладив кота. – Слишком много отморозков собрали с разных концов обитаемого космоса. Недавнее нападение на наш городок тому подтверждение. А Корпус Эдикта не вмешивается в дела ссыльных, сам знаешь.

– Не вмешивается. – Браун усмехнулся. – Но мы можем сделать следующее – поставить таким городам, как наш, относительно серьезные вооружения, пусть устаревшие. Минометы, пулеметы, легкую артиллерию. И обязать принять меры к зачистке отморозков, как ты их назвал. После чего просто принимается Конституция, законы, и планета становится одной из сотен планет с землянами. Просто останется под Эдиктом. Соответственно после этого мы сможем изменить позицию относительно заселения этой планеты.

– Что, сюда перестанут ссылать заключенных? – удивился я. В частности то, что сейчас сказал Сэм, натолкнуло меня на одну идею. Правда, к ссылке заключенных она имеет опосредованное отношение.

– Очень может быть, – кивнул мой начальник. – По крайней мере, поменьше насильников и убийц. Мы не сможем открыть планету для нормальной эмиграции, пока она под Эдиктом, а снимут его вряд ли скоро. Но вот если сюда перестанут ссылать полные отбросы, это уже будет немало.

Вечером, проводив Веру на вечерние перевязки (все-таки бойцам ополчения досталось от банд – семеро тяжелых, восемь легкораненых), я зашел в редакцию. Щарий сидел за столом, при свете двух керосиновых ламп пересматривая записи своих блокнотов и кучу каких-то листков.

– Привет, офицер. По службе или как? – Сняв древние оптические очки, он пожал мне над столом руку.

– Или как, Энтони. Скажи, чтобы собрать лихих парней для устройства веселого костра на месте Щучьего, насколько большой куш нужен? – Я присел напротив него.

– Ну, сложно сказать, Матвей. Очень сложно, – протирая очки тряпочкой, ответил газетчик. – А что, охота отомстить?

– Да есть желание. – Я положил на стол поверх бумаг глухо брякнувший мешочек. – Такой повод пойдет? Щучий стоит на золотой жиле. Я в прошлом году в паре мест около Щучьего буквально за час намыл.

– Да ты что? Интересная новость, очень интересная. – Газетчик развязал кисет и высыпал себе на руку золотой песок с мелкими самородками. Поперебирал пальцем и ссыпал обратно. – Это серьезно. Этого вполне может хватить. Но, как ты понимаешь, такой шаг следует согласовать с нашим мэром как минимум.

– Я так думаю, что не только с нашим мэром. – Я расстелил карту нашего графства и показал газетчику восемь окрестных городков. – Смотри, в них сейчас около полутора тысяч новичков, которые осели на зимовку. Сам понимаешь, работают за гроши, хватает только на нары в бараке, на простую еду и пару кружек пива или рюмок дерьмового самогона. Если ты сумеешь распространить здесь информацию о золотых россыпях около Щучьего, мы сумеем набрать бойцов. Пусть бестолковых, но минимум несколько сотен. Плюс сотня-другая уже бывалых парней точно поведутся – зимой все равно скучно, пар спустить особо негде. Разве охота-рыбалка.

– И как ты себе это дело представляешь? – Энтони вытащил из ящика на столе сигару, обрезал кончик и прикурил от лампы. – Это ведь не так просто: полтысячи человек надо кормить, содержать и прочее. С тем же оружием у них наверняка проблемы, оно недешево.

– Ну, надо создать трест. По золотодобыче на той земле. Ты знаешь тут всех серьезных банкиров, бизнесменов и прочих, которые будут готовы стать акционерами и не станут распускать языки до времени. А потом печатаешь объявления, собираем народ, на санном обозе едем сюда. – Я ткнул пальцем в изгиб реки километрах в полусотне от Щучьего. – И пешим ходом через распадок топаем к Щучьему. Главное – горы пройти, но они тут невысоки, и склоны пологие. Лавины маловероятны.

– Может сработать. – Щарий сжал кулак, сломав карандаш, который он держал в руке. – Итак, что я должен сделать?

– Для начала – переговорить с нашим мэром. Если он не против, то тихо переговорить с нужными людьми. Меня ты знаешь где найти, если потребуется мое присутствие – всегда готов. Кисет с золотом оставляю у тебя, для аргументации. И это. Моя доля с общей добычи – полпроцента. А то все-таки месть мстёй, а кушать охота всегда, и повкуснее. – Я застегнул ватник и встал. – Ладно, Энтони, думай. Ты в этих делах намного лучше меня разбираешься. Но сам понимаешь, мы не просто должны сжечь Щучий и вырезать ту бандобратию. Нет, мы должны осесть в том месте. И кстати, на месте Щучьего вполне можно устроить оперативную базу, с которой начнем щипать беспредельщиков на том берегу.

– Видно военного, – усмехнулся Щарий. Кивнул каким-то своим мыслям и убрал кисет с золотом в небольшой стальной ящик, под замок. – Будем делать. Карту заберешь?

– Да, у тебя наверняка есть, – кивнул я, складывая карту и убирая ее в планшет. – Удачи, товарищ заговорщик.

– И тебе, товарищ заговорщик. – Щарий рассмеялся, провожая меня до дверей конторы.

На улице я поглубже натянул шапку и потопал в сторону больницы, локтем придерживая винтовку. По улице, обгоняя меня, неслась поземка. Вот уж погодка – то дождь, то метель. Ладно хоть немного к лошадям привык – Красава с санями за больницей, во внутреннем дворе. Там и не дует, и кормушка есть. А осла я продал: предложили за него неплохую цену. Вере подберем лошадку, раз машины предвидятся не скоро. Весной сгоняем вниз по течению, там лошадиные торги, на которые дважды в год собираются со всего обжитого края. Не очень большого, кстати. Тут, на этом континенте, людьми освоена только дельта этой реки, а западнее и восточнее огромные просторы, на которых не бывала нога человека. Максимум – спутниковые съемки или дроны пробы брали.

Зайдя в небольшую таверну, я скромно присел в уголке. Домой без Веры идти неохота, сидеть в больнице, мешая всем, – тоже. И потому я тихонько попивал крепкий кофе и неторопливо отламывал ложкой куски отличного ягодного пирога. На удивление приятное место – пьяных нет, видимо, потому, что хозяин крепче сидра ничего не продает.

Зато кормит вкусно, и много выпечки. Этим и берет, я с Верой сюда намного чаще захожу, чем в остальные забегаловки Звонкого. Тем более что неподалеку от работы моей девушки.

– Привет, маршал. – Напротив меня плюхнулась та самая девчонка, которую Вера устроила в дамский салон работать. – Веру ждешь?

– Привет, сестренка. А ты чего не на работе? – Я позвал официантку и заказал пирог и кофе для Грессии, на что та благодарно кивнула.

– Меня отпустили, а Вера выйдет чуть попозже. Задержалась с доктором Хьюи: сложная перевязка.

Девчонка впилась крепкими белыми зубами в кус пирога и активно зажевала. Промурчала от удовольствия, как котенок, отпила кофе и вообще конкретно занялась едой. А я откинулся на бревенчатую стену и неторопливо отхлебывал остывший, но все едино вкусный кофе, изредка подливая себе из кофейника.

– А, вот вы где! – Через порог шагнула Вера, хмуро поглядела на Грессию. – Hermanita, ты что, пытаешься отбить у меня парня?

Я про себя усмехнулся. О том, что мы сидим здесь, я давно уже отправил сообщение моей ненаглядной, в ответ получив наказ не соблазнять девчонку, а то открутит все выступающие места. Ну да, Вера порой бывает излишне импульсивной.

– Сеньора Вера, нет, вы что, как вы могли подумать?! – совершенно искренне испугалась девчушка, привстав и прижав руки к груди.

– Ладно, верю, – засмеялась моя девушка, снимая роскошную шубку из бобрового меха и вешая ее на вешалку-распялку. – Просто за парнями глаз да глаз нужен, а то расслабятся.

– А где Герда? – решила Грессия перевести разговор на более безопасную тему. – Я думала, она с вами, Вера.

– Дома лежит. Соседи ее кормят, гладят, а она принимает заслуженные почести. – Я усмехнулся. На самом деле соседка очарована голованой и все пытается накормить ее всяческими вкусностями. То курочку жареную притащит, то кусок пирога, то еще что-нибудь. – Лапа у нее в непогоду болит, да и скользко. Пусть отдыхает, раз Вера говорит, что операция сложная и без рентгена делать ее не будет.

Я спрашивал у голованы, согласна ли она на операцию. Ну, постарался объяснить, как мог, но лучше объяснила Вера, просто переправив Герде сам процесс. И голована согласилась – уж здорово ее колченовость доставала. Сильная, красивая голована – и изуродованная лапа. Я только за эту лапу шерифа Щучьего прирезать готов, ножом.

Мы еще с часик посидели, после чего я пошел, впряг Красаву в сани и подъехал к таверне. Девчонки со смехом плюхнулись сзади меня на свежее сено, и я отвез сначала Грессию до доходного дома, где она снимала комнату, а потом с Верой поехал домой. Поздно уже, надо камин протопить, печку в ванной. Зима – она здесь морозная, а климатконтроля нет. Приходится так же, как в древности, топить дровами.

Правда, поздним вечером, сидя около камина за переносным столиком и вычищая найденные автоматы, я поймал себя на том, что это мне нравится. И рдеющие переливы углей в камине, и мерцающий свет от керосиновых ламп, и запах горящих дров. И булькающий кофейник над углями в камине, распространяющий одурманивающий запах свежего кофе.

Я уж не говорю про вид забравшейся с ногами на диван и укрывшейся пледом Веры с Гердой, лежащей у нее в ногах. Вера работала с Шейсен, листовая страницы, что-то даже просто вписывала в обычный перекидной блокнот, предпочитая сохранять так, а не в нейросети.

Кстати, на ожившем планшете с искином и планшете того архитектора наши успехи не сказать, что замерли, но особо не продвинулись. Из десятка артефактов живых компьютеров больше не попадалось. То, что принималось археологами за накопители памяти, оказалось просто приборами контроля атмосферы в городах. Так что пока молчок.

Хмыкнув про себя, я вновь принялся за автомат.

Эти машинки отличались от тех, которыми были вооружены конвоиры корабля, с которого я вошел в этот мир. Там были модификации, выпущенные на планетах русского сектора, или Протектората Русской Армии, или в Новых Княжествах.

А тут тоже клон одного из самых совершенных образцов личного оружия, но выпущены в арабском секторе, под совсем другой патрон. Шесть с половиной на сорок один миллиметр и у автоматов и у пулемета. В армиях Земли, насколько я помню, такого патрона вообще на вооружении не было. Сэм сказал, что такими автоматами вооружались партии конвоиров из тех, что сопровождали выживальщиков. Ну, вроде Веры. Причем эти конвоиры набирались уже здесь, среди тех, кто отсидел свой срок и не хотел мнемокоррекции. Вот они и работали, получив в пользование коптеры и создав свой городок где-то на северах, там, где ссыльные ну никоим образом без авиации не появятся.

То есть их лесная братва умудрилась подловить на какой-то заимке. Сэм не получил доступа к этой информации, он вообще к этому идиотскому тотализатору отношения не имеет. Кажется мне, что тут один из высших чинов Корпуса Эдикта подрабатывает, а может, и не один.

Знаком я с такими офицерами, еще по службе. Готовы в лепешку разбиться ради того, чтобы враг не прошел, и при этом тащат себе все то, что плохо лежит. Сочетается все это с дичайшим карьеризмом – как в них все это уживается, понятия не имею. Вероятен такой вариант? Вполне, эти гонки на выживание никак не влияют на общий контроль за ссыльными. А вот бабла с них состричь можно весьма приличное количество.

Я интересовался втихую у Сэма, есть ли опасность для Веры из-за этого тотализатора. Но, как оказалось, после того как людоловы поймали Веру, ставки закрылись. То есть Вера вышла из игры, сыгранная карта. Ну и слава богу.

– Матвей, для чего тебе столько автоматов? – Вера внимательно поглядела на составленные у стены вычищенные машинки и на ту, с которой я работал сейчас. – Ты что, хочешь собрать свою команду?

– Какая ты у меня умная девочка, Вер, – усмехнулся я, вытирая руки обрезком хлопковой тряпки. Блин, на планетах земной зоны такой кусочек полста кредитов точно стоил бы. А тут я за пару кредитов тючок тряпья-обрезков купил на ткацкой фабрике. Пусть здешний кредит по отношению к общему вдесятеро дороже, но целый тюк за двадцатку... непривычно. – Постараемся создать команду и поработать с развалинами, Сэм предложил, – и я скинул ей запись нашего с Сэмом разговора. Ну, ту часть, где разговор шел о возможном переселении.

– Интересно... – Вера задумалась, потом отрицательно кивнула: – Так не пойдет, Матвей. Нет смысла отселяться к черту на кулички, подальше от людей. Тут хоть такая, но цивилизация, а малая группа искателей хороша как командировка, но не как постоянная жизнь, поверь мне. Я сама с планеты пионеров и прекрасно знаю, что люди должны жить хотя бы в пределах дневного перехода. Человек в основе своей существо социальное, в одиночку нам плохо. То, что Сэм предлагает попробовать цивилизовать эту планету, – дело стоящее и интересное, и по крайней мере не пустое. Здесь прекрасная природа, отличная экология – если добавить хоть немного цивилизации, то жить можно очень и очень хорошо. Хорошо бы перебраться на другой континент, к археологам. Вот за это стоит поторговаться со временем.

И Вера, улыбнувшись, вновь откинулась на подушки, поправив плед.

А я налил в две кружки кофе и одну поставил на столик перед девушкой, из второй отхлебнул сам и отправил ее на подоконник: пусть остынет немножко. И принялся выщелкивать из магазинов патроны. Нужно посчитать, сколько их осталось. Автоматы грязные, в копоти, из них явно немало постреляли и грязные бросили в яму. Похоже, бандиты на радостях отстреляли по несколько магазинов в белый свет, как в копеечку. Маловато патронов – две полные пулеметные ленты по сотне, шесть автоматных магазинов по тридцать, и все. И это на шесть автоматов и пулемет. Крохи.

Бронежилеты я на чердак затащил, вместе с касками и вещмешками. Правда, подумав, рюкзаки и разгрузки я спустил, и сейчас они отмокают в ванной, в корыте. Их от крови даже не подумали отстирать, заскорузло все. Так что засыпал содой и залил холодной водой: пусть сутки покиснут.

Вера недовольно фыркнула и заставила меня оттащить корыто подальше от ванны и накрыть его куском парусины. Мол, нечего эстетику портить. Ну, ее право. Мне поправить недолго.

– Глянь, тридцать шестой калибр. – Я положил на стол один из наших с Федором трофейных револьверов. – Примерно как твой, только этот переломка. Как твой подарок, только тот сорок четвертый, – кивнул я на свой оружейный пояс, где в правой кобуре лежал этот пистолет.

– Покажи, – заинтересовалась девушка.

– Сейчас вычищу, он в керосине весь. – Все оружие вообще я недолго думая закинул в ванну с керосином, которую установил в прихожке и накрыл рогожей. Где оно успешно откисло сутки до того, как я взялся за его чистку. Правда, с винтовками и автоматами пришлось повозиться, пока придумал, как дерево лож поднять над керосином, чтобы не пропиталось и не воняло. Но придумал: в спусковую скобу протолкнул тонкие прутья, которые вытащил из веника, и опёр их на стенки корыта. Получилось, что стволы и механизмы в жидкости, а приклады нет. Пистолеты, правда, просто бросил, не хотелось с ними возиться. Вот и не обратил внимания на калибр переломки.

Получив вычищенный пистолет, моя любовь долго его крутила, а потом отложила, заявив, что ей надо сравнить его с кольцом на стрельбище. Ну, по большому счету абсолютно правильный подход к делу, прямо скажем.

Что я ей и заявил, собирая оружие в трофейный сундук в прихожке. Ну, тот, из раскопа. Отличная вещь, сделана из добротнейшего граба, совершенно не повреждена ни временем, ни землей, ни пожаром. Так что я его отмыл, и сейчас он стоит, никак не мешая и позволяя использовать его объем в почти треть кубометра...

– Вот так. – Щарий уселся на стул и оглядел собравшихся.

А нас было ни много ни мало целых десять человек и голована. Мэр, Илья, я, старосты Тотенкопфа и Аустерлица, мэр Пекоса и глава Красноярска – городков навряд ли нашего, но расположенных южнее и западнее Звонкого Ручья. Щарий, естественно, и два банкира – эти вообще откуда-то издалека. Щарий мне мельком сказал, что они тоже прошли через Щучий и что трое суток в дороге провели, добираясь до нас.

Ну и Герда, которой наше сборище было малоинтересно и которая просто лежала около булерьяна.

– Точно золото там есть? – Один из банкиров, высокий и полный мужик в дорогом сюртуке с цепочкой от часов поперек живота подошел к карте и внимательно взгляделся.

А что, отличная карта, я ее вечерами целую неделю рисовал. Хорошо, что сейчас нейросеть подключена и допуск к спутникам есть, я свою дорогу из Щучьего полностью отследил из космоса, и карта получилась на загляденье.

А месторождения я на ней выделил и, пошарив в библиотеке станции, при помощи библиотечного же искина выдал возможные мощности. Конечно, до геологов мне далеко, но вот разрез того оврага и образцы пород для искина много дали. Ну и тот ручей, на котором я вторую промывку сделал, да и примерные возможности остальных ручьев и оврагов выложил.

Вообще около Щучьего геологическая карта не составлялась, но, восстановив примерный состав пород, искин сравнил это место с земной Аляской. Что я, ничтоже сумняшеся и выдал на карте.

– Я первый самородок просто в ручье углядел. А потом намыл остальное буквально за полчаса. – Я тоже встал и показал на карте. – Первая намывка тут была, вторая тут. Сразу

скажу, что мощности месторождений я не знаю. Тут геологоразведка нужна, ну или просто толпы старателей. Все, что я мог, – это вспомнить, какие породы я видел, и поглядеть на них в справочнике у Щария. – Есть у него пара геологических справочников, я спрашивал и даже полистал с полчаса.

– Ну, что скажете? – Наш мэр грузным медведем навис над картой и высыпал на нее горку золота. – Матвей дает нам всем не только отомстить, но и заработать на этом. Неизвестный золотоносный район – это не просто много денег и большая неразбериха, это и рывок для нашего бизнеса. Сами понимаете, если там богатые россыпи, то старателям надо будет есть, пить, спускать пар и так далее. А все это сможем обеспечить мы. Кроме того, мы под предлогом охраны территории от лихих людей с того берега Великой можем на месте Щучьего заложить форт и поставить в нем гарнизон. И со временем, накопив силы, ударить по отморозкам на той стороне. Вы знаете, что на нас напали три банды. Три банды, больше пятисот стрелков. Если бы не счастливая случайность – они могли и захватить город: сразу пятьсот стволов в умелых руках – это страшно.

– Это понятно, – кивнул староста Тотенкопфа, а его сосед и земляк согласно опустил голову на пять подбородков. – Более того, если бы они вышли на любой из наших поселков, то, даже попытавшись организовать сопротивление по отдельности, мы проиграли бы. Сами понимаете, новички не в счет, они тупы и не вооружены. Ну, в массе своей. А наши поселки живут за счет зимовок новичков, давая им кров и прокорм. Ну и позволяя им заработать на этот кров и прокорм.

Да, это я слышал. Точнее, читал рекламу в газете. Ненавязчивая такая. Мол, если ты не успел устроиться на новом месте, если тебе негде зимовать – добро пожаловать на фабрики австрийских поселков. А их у австрийцев было немало. Выдывали шкуры битого зверья и домашнего скота, резали на доски тот лес, который мы заготавливали, обжигали кирпич, лили стекло, делали зеркала и фарфор.

Гоняли новичков от рассвета и допоздна, выжимая все соки. Но при этом прилично кормили, люди жили в тепле и даже накапливали к весне кое-какую денюгу, позволяющую хоть как-то стартовать на новом месте. Для бывших каторжников и заключенных это было немало. Особенно учитывая, что в этих поселках охотно брали и мужчин и женщин, и не было запрета на сексуальные отношения. Так что весной от пристаней поселков частенько отправлялись пары, часто ждущие прибавления потомства. Кто-то и оставался осваивать мастерство. И поселки росли, богатели.

Но с обороной у них было послабее, чем у нас или у Пекоса, например.

– Мы готовы к тому, что около двухсот новичков захотят поучаствовать в этом шоу. И готовы помочь упряжью и саними, снегоступами и палатками. – Мэр Аустерлица, чудовищный толстяк, плавно опустил пухлую ладошку на стол. От этого массивный стол подпрыгнул, а основательная чернильница расплескала свое содержимое.

Дальше шел простой деловой разговор бизнеса и чиновников, кто сколько готов вложить в предстоящее мероприятие. Мне, если честно, это было малоинтересно, особенно после того, как Герда передала об искренности всех собравшихся. Что полностью подтвердило мое собственное мнение.

Кампания расписана была по дням и часам, вплоть до выхода. А вот дальше были уже наши проблемы. Точнее, мои.

– Матвей, командовать отрядом будешь ты. – Мэр обличающе ткнул в меня пальцем. – Вместе с Роллингзом подготовите его здесь, разобьете на взвода, отработаете взаимодействие бойцов. Но отсюда поведешь отряд ты. Это решено и не обсуждается. Твоя инициатива – тебе и расхлебывать. Хочешь свою ренту в полпроцента с добытого золота? Работай!

– Есть, сэр. – Я встал и, надев шляпу, отдал честь мэру. После чего спокойно уселся. – Но тут такое дело. Я готов командовать милицией, если только все хозяйственные дела примет

на себя кто-нибудь другой. Не стоит забывать, что кроме золота Щучий сам по себе является неплохой добычей. И потому трофеи, которые нам могут достаться, должен считать и делить хозяйственник, думаю, стандартный дележ наемников сгодится. Да и вообще, если мы хотим нормальной жизни в верховьях этой реки, надо сразу обустроить свой форт и ставить там патрульные силы. Чтобы зимой и летом у нас наготове была хотя бы сотня-другая драгун. Хотя это дело будущего. Но самого Щучьего вообще не должно остаться – все, что можно, вывезти, остальное сжечь.

– В этой комнате, офицер, ты не найдешь ни одного, кто бы не мечтал посмотреть на это, – усмехнулся второй банкир, мелкий, тощий и жилистый, чем-то неуловимо похожий на горностаю. – Какое оружие для добровольцев-новичков самое лучшее, как ты считаешь?

– Ну, я вот примерно набросал. – Я положил на стол список будущего отряда. – Если мы набираем полностью три сотни новичков, то стоит сделать из них две роты пехотинцев. Лучшее вооружение для них – карабины Мосина или Лебеля. С месяц погонять – и после этого набрать лихих парней в качестве охотников-разведчиков, сотни полторы. Тут у меня есть возможность для пехоты купить десяток пулеметов, официально переработка «Зброевки-Брно-30» под «девятку» выделки «ЕрАрмза». Естественно, после операции эти пулеметы останутся в моей собственности, после чего я их продам в арсеналы наших городов. – Я выбил это оружие у Сэма. Все-таки в Щучьем слишком много серьезных головорезов. Кроме того, я хорошо помню народ Щучьего. Сволочи, да. Но все без исключения волчары битые, готовы в любой момент в глотку вцепиться, и драться будут до последнего, пощады никто из них просить не станет. Атаковать этот город без хорошего вооружения – та еще затея.

– Хм, Матвей, твои источники поставки пулеметов, разумеется, секретны? – Наш мэр побарабанил пальцами. – В любом случае лучше с пулеметами, чем без них.

– Еще нужен динамит, керосин. И самое главное – нужна база, где будет проходить обучение новичков и боевое слаживание. – Я сел, погладил невозмутимую Герду. – Не стоит светить нашими приготовлениями.

Вечером следующего дня, сменившись с дежурства в участке, я на пару с Федором зашел выпить по кружке пива. Пивнушка небольшая, устроена пожилым австрийцем, которого сослали с Зельды, одной из планет европейского сектора.

Вообще мы, то бишь человечество, в условиях отсутствия конкуренции за прошедшие с начала освоения галактики двести годов нахватали себе около пяти десятков планет земного типа, с кислородной атмосферой, достаточной чтобы человек как минимум в респираторе или маске-обогадителе мог спокойно жить на поверхности. Хотя запас карман не тянет, прямо скажем.

Так, Фриц, когда оформлял разрешение на бизнес в Звонком Ручье, сказал мэру, что вынужден был убить человека.

На эту информацию тот ему сказал, что Фриц может увеличить свой счет, если на город нападут бандиты. Ну а если австриец совершит невынужденное умышленное убийство, то его просто повесят за шею по решению суда.

Пивовара такой подход вполне устроил, и вот уже десяток годов в Звонком варится отменное пиво трех сортов. И эта пивнушка одна из трех, в которых продается сваренное Фрицем пиво.

– Как обычно, светлое и соленый миндаль? – Передо мной на стойку, на подложенную круглую салфетку, брякнулась большая стеклянная кружка с высокой пенной шапкой, а рядом поставили чашку с солеными орешками.

Федору досталась кружка темного, очень крепкого пива, с полосками вяленого, жутко проперченного мяса в чашке на прикуску.

– Пошли посидим, поговорим. – Я ухватил кружку со стойки, миндаль и потопал к угловому столику. Успевший сдуть пену и отпить чуть ли не треть кружки темного Феды потопал за мной.

– Говори. – Еще раз приложившись к пиву и зажевав его полоской мяса, напарник повернулся ко мне. – Чего ты хотел?

– Нужны хорошие стрелки. – Я сам отпил пива, бросил в рот парочку соленых орешков. Поглядел на задумчиво теребящего за чуть сколотую ручку пивную кружку Федора. – Есть такие? Человек пять хотя бы. Желательно с «бизоньими» винтовками. И способные стрелять на дальность пятьсот-шестьсот метров. Я понимаю, у них сейчас сезон, но мало ли.

Чуть ниже по течению на запад начинались широкие травянистые равнины. Прерия, или степь, кто ее как называл. И на этих равнинах паслись бесчисленные стада бизонов, огромных лохматых и остророгих животных.

И были люди, которые били этих животных на мясо, отстреливая молодых быков и коров с больших дистанций. Слишком близко подходить к стаду сложно, да и просто опасно. Страх быки не знали – против мчащегося стада никто из здешних тварей не выстоит. И уступить двуногим свои равнины бизоны не собирались.

Потому «бизоньи» винтовки были крупнокалиберными, длинноствольными. С очень мощным патроном, калибром шесть десятых дюйма. Пуля из этой винтовки, вроде мягкая и свинцовая, пробивала нехилое бревно.

– Матвей, тебе ведь нужно не бизонов стрелять? А, друже? Отомстить Щучьему хочешь? – Федор усмехнулся и глотнул еще темного. Вытащил несколько орешков, захрустел ими как белка.

– Ну да, – кивнул я, стаскивая у него мясную стружку. Вкусная вещь, но много не съешь. А то потом на горшок с огнетушителем ходить надо будет. – Есть такая идея.

– Хорошая идея. Меня как, возьмешь? – Мой товарищ задумчиво изучил уровень пива в кружке, поглядел в сторону стойки. Вновь бросил взгляд на кружку. В принципе я его сомнения вполне понимаю, темное по башке пинает только в путь. Таких три кружки – и здоровый мужик пьяным в зюю становится.

– Если есть желание – да. Только хорошенько подумай, Федь. В Щучьем те еще волчары. – Хотя чего это я? Федор мужик надежный, лучшего зама по хозчасти я вряд ли найду. Из меня бизнесмен вообще аховый, а мой напарник парень крученный, но при этом честный, так что можно даже так сделать. – Федь, Щучий стоит на золотоносных землях. Не зря с той стороны Великой золото моют, с этой тоже есть. Я в прошлом году, когда удирал, мимоходом пригоршню намыл. Так что если надумаешь, я с тобой ренту делю. Полпроцента от общего намыва, мои шестьдесят частей – твои сорок. Идет?

– Вполне! – кивнул Федька и допил пиво. – Когда думаешь?

– Все путем пойдет – через пару месяцев. Надо гопкомпанию собрать, вооружить, погонять. Как раз пара месяцев и пройдет, не меньше. – Я скривился. – По идее следует гонять минимум полгода и в хвост и в гриву, чтобы бойцов сделать хоть малость. Но выбора нет, надо до ледохода повернуть. Точнее, даже до малейшего тепла, мы на санях по Великой пойдём, а потом через перевал.

– Тогда мой совет тебе такой, друже. – Федор все-таки решился и взял еще половинку темного, да и бастурмы немного. – Через два месяца начнется сезон метелей. Все движение встанет, заплутать можно спокойно почти всякому. Но крутит недолго, максимум дней десять, потом обычно резко оттепель. Продолжать?

– Да нет, не нужно. – Я отпил своего светлого и аккуратно поставил кружку на стол. – Ты предлагаешь мне идти головным?

– Да. Ты уже пришел в буран в Звонкий, перед атакой отморозков. Все про это знают и посчитали это заслугой Герды. И если ты в головных санях проведешь санный поезд до места –

никто не удивится. И еще – так вам, точнее нам, не придется топать через горы, пойдем по замерзшему руслу почти до Щучьего. А можно и до Щучьего, тут уж сам решишь, с Роллингом. Вы вояки – вам флаг в руки. И это, если выйдем в сезон метелей – я тебе человек тридцать стрелков найду. У них как раз охотничья страда закончится, будут свободные.

– Не глупо, совсем не глупо. Устанем, правда, не без этого. – Я хмыкнул, прокручивая в голове новый маршрут. – Давай, начинай искать стрелков. Будем готовиться, друже. А сегодня пораньше спать укладывайся, и один. – Я усмехнулся, глядя на непонявшего товарища. – Нейросеть тебе ночью оживят. Так что лучше без свидетелей.

– Да ты что? – Федор хлопнул глазами, после чего допил пиво одним глотком и вскочил. – Тогда я побег! Хотя это праздник, нужно взять запить! – Напарник обернулся к стойке и крикнул бармену: – Мигель, мне пару кувшинов темного с собой и пожевать чего заверни. Побольше!

– Бургеров десяток и бастурмы два фунта, пойдет? – Мигель, высокий парень лет тридцати пяти, весь синий от наколок, которые у него были даже на лбу, поставил на стойку два литровых кувшина с залитыми сургучом пробками. После чего начал заворачивать в бумагу бутерброды с котлетами из лосятины, обильно пересыпая мясо луком и резаным острым перцем. Собрав все это в небольшую корзину, он торжественно вручил ее взбудораженному Федьке и задумчиво проводил его взглядом.

После чего повернулся ко мне:

– Кто эта сеньорита, ради которой Тео рванул на околотной? – Мигель до ссылки был пилотом на небольшом скоростном транспортнике-клипере, принадлежащем картелю с Луизианы, планеты из системы Лебеда. Возили чистейший героин в метрополию, пока не попались ребятам из наркоконтроля.

– Не думаю, что Федору понравится разглашение, – важно сказал я, воздев палец к потолку. Если врать неохота, а говорить правду нельзя, то вполне достаточно обойтись полупонамеком – остальное додумают. – Ладно, Мигель, пока.

– Adios, Hombre. – Мигель тут, на этой планете, хлебнул лиха сполна и теперь, осев в нашем городе, относится к полиции с немалым уважением. Впрочем, по его словам, это совершенно не касается копов с их планеты, и тем более наркоконтроля, выполнившего, по его словам, заказ конкурентов.

Перехватив марлин поудобнее, я замотал шарф, нахлобучил поглубже волчий треух и шагнул на улицу. В лицо сразу ударило мелкой мерзлой крошкой, метель попыталась забраться под ватник, скользнув морозцем вдоль позвоночника. Но я неторопливо побрел в сторону участка: надо зайти, перед тем как я домой пойду, к теплой воде в ванне и жарким объятиям Веры. Ну и к скептическому хмыканью голованы, которую наши с Верой занятия любовью откровенно прикалывают. Впрочем, хмыкает она обычно после завершения, и то если не спит. На Герду зима действует как не медведицу: постоянно дремлет неподалеку от камина, на улицу выходит, только чтобы нужду справить.

– Привет, компания. – Я вошел в жарко натопленный офис и кивнул Илье, сидящему перед раскаленной буржуйкой. – У вас тут расплавиться можно, однако.

– Лучше сто раз вспотеть, чем один раз покрыться инеем! – важно промолвил шериф, откидываясь на спинку стула. – Хочешь, обрадую?

– Валяй, начальник. – Я тоже уселся напротив печки, оседлав свободный стул, и протянул руки к пламени в открытой топке. – Чем только, интересно?

– Завтра ты, Майкл, четверо парней-волонтеров и семеро возникших выезжаете в сторону Медвежьей реки. Там есть зимовье на берегу, Майкл знает, заберете оттуда тридцать восемь девок. Из тех, за поставку которых город крайнюю партию мяса отправил. – Илья поглядел на мою здорово удивленную физиономию и усмехнулся. – Ты старший, держи бумаги. – И, достав

со стола толстую папку с завязками, шлепнул ее мне на колени. – Примешь каждую под роспись, по описи. Ну там руки две, ноги две, сиськи две, голова одна, писька одна. Впрочем, количество писек можешь не проверять, а то тебя Вера пристукнет – ищи потом помощника. Учти, девки все из тюрем, свеженькие. Многие еще те оторвы, прибавят нам головной боли на какое-то время. Знаешь, года четыре назад нам пришлось повесить двух таких, за умышленное убийство. Так что не зевай! За оружием следите и можете наручников с девок не снимать до приезда в Звонкий Ручей. Вот сдадим их мэру – пусть делает с ними все что хочет. Насчет продуктов, фуража и прочая – не твоя головная боль, этим старшина каравана займется. Кстати, им Сохатый будет. С вас только охрана.

– Ого! – с уважением покачав головой, заметил я. – Я-то думаю – чего это одни сани без охранника оставили?

Сохатый был местной легендой. Чудовищно здоровенный дядька минимум годов шестидесяти, необычно большой даже для меня, выдавшего в армии вообще огромных парней. А тут настоящий медведь, ростом в два с половиной метра, весом под два центнера, широкоплечий, длиннорукий. Громила, но при этом спокойный и тихий, работающий на частном извозе. Обычно водит караваны летом на запад от Великой, расселяя новичков. Да только спокойствие и тихость обманчивы, Сохатый носит при себе две хауды двенадцатого калибра и стреляет с любой руки не задумываясь. Причем стреляет очень точно, я с ним тут на стрельбище столкнулся – так мы на пару двести патронов извели: я – стреляя из револьверов, а он – из своих обрезов. Стреляли сначала по грудным мишеням, поворотным. Ну, тут электроники нет, так что все механическое. Сидит пара молодых парней в траншее и дергает за рычаги.

Так вот Сохатый стреляет крупной дробью и попадает в центр мишени без промаха. Хорошая такая, ровненькая осыпь. Правда, чуть помедленнее меня, но я, как оказалось, один из самых быстрых стрелков в городе.

Потом мы с Сохатым постреляли по брошенным в воздух коротким полешкам. Если мои пули могли расколоть чурку, то заряд картечи разбивал их в труху. Ну, метров с пяти, правда.

Еще этот громила возит с собой «бизонью» винтовку шестидесятого калибра, но стреляет он из нее так себе. Зрение у него слабовато оказалось, линзы уже давно потерялись. Здешние очки, творение местных оптических мастеров, он бережет. Да и не очень они ему при стрельбе помогают, похоже. Наверное, не совсем подходят.

– Ладно. – Я взвесил в руке папку и покачал головой. – Это сколько нам до зимовья? Сто километров? Три дня туда, три обратно. В лучшем случае. При самых благоприятных погодных условиях.

– Ничего, сгоняете. Смотри, осторожнее. Мы этих придурков, что с того берега, вроде как победили, но часть их вполне может на нашем берегу задержаться. И потому старайся слишком не расслабляться: не хватало еще дурную пулю словить. – Илья нагнулся, взял пару буковых полешек и подбросил их в печку. – Из саней особо не вылезайте по дороге, у них борта обшиты грабовой доской. По крайней мере, с сотни метров картечный заряд выдержит или револьверную пулю.

– Уже неплохо. Пока, Илья.

И, закинув пачку бумаг в офицерскую планшетку, я вышел на улицу. Напротив, над лавкой, скупающей артефакты, со скрипом раскачивался керосиновый фонарь, скупо освещающий вывеску.

С такой жары, что устроил шериф в участке, я сначала даже мороза не почувствовал. Настолько тот же ватник раскалился, да и я под ним. Нужно поскорее домой, под бочок к Вере, чтобы не остыть. И потому, перехватив поудобнее винтовку, я потопал до дома, хрустя снежинками.

Родной переулок встретил парой поддатеньких парней, которые, узнав меня, приветливо приподняли свои вязаные шапки. На что я им ответил, откозыряв по-техасски. То есть коротко

коснулся треуха двумя пальцами. И потопал дальше, шустрее давя снежинки. Потому что уже видел свет, падающий из окон нашего дома.

И Герда учуяла, меня окатило радостью и преданностью. Наверняка сейчас дремавшая до этого голована вскочила с места и кинулась ко входной двери, радостно молотя хвостом и поскуливая.

А Вера откинула плед и встала с кресла у камина, где любит сидеть вечерами с книгой. Ругаю ее, ругаю, но так под керосинкой и читает. А более совершенных ламп нам пока не купить. Точнее, купить-то не проблема, проблема в энергии. Даже нам пока нет. Хоть Сэм и обещал, но обещанного три года ждут.

Меня на самом деле радостно встретили, обдав теплом и любовью. Обняли, поцеловали, облизали. После чего помогли разоблачиться и отправили мыться в ванную комнату, куда вскоре зашла Вера в коротком халатике – помочь мне, спинку потереть.

Но практически этим и ограничилась, разве плечи помассировала, и вывернулась из оставшегося у меня в руках халатика, сверкнув загорелым телом в дверном проеме и показав мне язык напоследок.

– Жду ужинать, а то остынет!

– Остынет... – Я, недовольно ворча, выбрался из ванны и неторопливо обтерся лохматым полотенцем, после чего подбросил пяток толстых поленьев в печку: пусть вода подогреется. – Ну, остыло бы – разогреем. А так – пройдут без возврата года, пригодные к разврату.

И, одевшись в чистое и нацепив пояс с пистолетами, зашел в комнату.

За широкой стойкой, отделяющей вообще комнату от кухни, около плиты колдовала Вера, а Герда сидела рядом и пускала слюни на пол.

– Не бухти, не пройдут! Но если это разогревать, то будет не так вкусно! – Из духовки появился огромный и румяный пирог. И если до этого от запаха просто текли слюни у голованы и немного у меня, то сейчас аромат настоящей мясной выпечки ударил по мозгам не хуже главного калибра линкора. – Садись, суженый-ряженный. Правильно, ведь так вы, русские, говорите?

– Правильно, только сейчас так говорят очень редко. Ты-то откуда это знаешь? – удивился я, помогая Вере установить горячий противень на широкую буковую доску посреди стола.

– А я ваши старинные сказки читаю, от Афанасьева, вашего старинного фольклориста. Читал? – Вера с интересом уставилась на меня, а Герда села у ее ног, наклонив голову и вывалив язык с таким видом, будто ее жутко интересует этот вопрос.

– Нет, не читал. Я из старинных книг только наставления по стрелковому делу читаю, на остальное ни времени, ни желания просто нет. – Я с интересом взял запечатанную сургучом бутылку и прочел надпись на этикетке: – «Столичная». Надо же, с того берега. Хорошая, нет?

– Ну вот с кем я связала свою жизнь? – Вера грустно вздохнула и, отрезав здоровый кус от пирога, вынесла его на веранду, напустив в комнату пара. – Остынет – получишь. И нечего слюнями пол мне заливать! – это она Герде, которая уныло легла на пол, положив морду на передние лапы.

После чего нарезала оставшийся на противне пирог большими кусками и положила мне на тарелку парочку.

Но я мужественно не стал пробовать это чудо и, сглотив слюну, опять взял бутылку водки. Оббив сургуч, штопором вывернул пробку и набулькал себе в стопку грамм семьдесят.

Герда поморщилась и немного сменила позицию около стола. Не любит запаха спирта моя голована, но терпит мои нечастые выпивоны. Вера последнее время вообще не пьет. Завязала напрочь. И есть у меня подозрение, что все дело в том, что у нее капсула-контрацептив почти рассосалась и есть немаленькая возможность нам с ней забабахать ляльку.

Коротко душу кольнуло воспоминание о моем ребенке, которого я никогда не видел и, скорее всего, не увижу. Интересно, как там Лара, как наш малыш? Но этот момент был очень

коротким – я все-таки космопех-абордажник, с нервами у меня все в порядке. Да и Веру люблю и очень надеюсь, что хотя бы на этот раз смогу сохранить свою женщину. Очень надеюсь, жизнь готов за это положить.

– Ну, за нас, за нас с тобой, Вера! – Выдохнув, я махнул стопарик и захрустел квашеной капусткой. Вера здорово заботится о правильном питании и покупает всевозможные разносолы. Витаминов в капсулах здесь не водится, все строго в натурпродуктах.

– Все, можешь кушать, остыло. – Вера занесла порцию Герды и поставила на невысокий столик. Я специально заказывал, с очень короткими ножками, с вогнутой столешницей, чтобы крошки скатывались в серединку, а не валялись на полу. Герда-то у нас та еще чистюля, с такой очаровательной улыбкой с клыками в вершок попробуй культурно покушай.

Кстати, где бы моей головане жениха найти? Нет, проблем с течками и прочими радостями у нас нет, Герда не просто умная собака-телепатка, она генномодификант. И будет готова стать матерью только с моего разрешения. Но и затягивать с этим особо не стоит: год-другой – и надо головане парня.

Но все эти мысли вылетели, когда я принялся за пирог. Обалденно!

– Мм... Вер, слушай, все забываю тебя спросить. Ты где так готовить научилась? Тем более на таком антиквариате? – К моему удивлению, для Веры дровяная печь совершенно не стала проблемой, обращается с ней не менее умело, чем обычные женщины метрополии с кухонным блоком.

– Ты забыл? Я родом с планеты-фронтира. У нас каждая девочка учится готовить на живом огне, традиция. – Вера улыбнулась, кладя себе на тарелку верхушку от пирога. Любит она поджаренное тесто, вот сейчас натекшим соком с противня польет – и с удовольствием съест кусочек.

А я ем все. И тесто, и мясо, и картошку с грибами. В этом пироге, кстати, оленина. Соседский паренек принес, с друзьями ходил на охоту.

Впрочем, все хорошее когда-либо заканчивается. Вот и пирог был съеден мной, Верой и голованой. Со стола убрали, и сейчас мы сидели в обнимку около камина на толстом войлочном коврик.

Герда как-то хитро расположилась, положив лапы на меня, а голову на колени Вере.

– Но, пошли! – Семен Кренов, возница моих саней, звонко щелкнул кнутом, погоняя пару соловых кобыл. – Пошли, вороний корм!

– Чего орешь, Сём? – спросил я возницу, не рассчитывая на ответ.

Молчун он, слова не вытянешь. И потому я просто лежал в санях, забросив ноги на борт, и откровенно расслаблялся. А что? Мне сейчас все едино делать нечего, лежи да бездельничай. Хочешь, ворон считай, хочешь – Герде пузо чеши. Голована, кстати, не спит, а лежит около Кренова, положив морду на передок саней, и внимательно смотрит вперед, на искрящиеся снегом и льдом просторы.

Посмотреть точно есть на что. Ширь замерзшей реки, берега, правый обрывистый, поросший угрюмым хвойным диколесьем, мало чем отличающийся от того реликтового леса, в котором на нас напала пума.

Герда, поняв мои воспоминания, коротко рыкнула. Поглядела на удивленно обернувшегося к ней возницу, фыркнула и вновь положила морду на широкую доску, покрытую кошмой.

Так, о чем это я? А, о просторах. Так вот левый, наш берег хоть и более пологий, также основательно заросший. Правда, в основном лиственным лесом, но тоже весьма внушительным. На строительство, правда, лес рубят выше по Великой, там, где я встретил бригаду лесорубов, а после Веру.

А тут из промысловых пород бук, граб, дуб, немного грецкого ореха. Остальные деревья вроде тополей и ольхи даже на дрова не берут.

М-да, здорово я здесь одичал за прошедшие полгода. Надо же, натуральную древесину делю на пригодные для топки сорта и малопригодные. Хотя ольху вроде как применяют для копчения мяса и рыбы. Бог его знает, не настолько я еще проникся здешними реалиями.

М-да. Минимум две недели – долгий путь. Угораздило же «продавцов» так припоздниться. Нет, молодые девки Звонкому Ручью в любом случае пригодятся. Но как же мне неохота было от любимой девушки уезжать, теплой, нежной. Что-то я замерз, кстати!

Барометров-анероидов мы с собой не везли, но мне он и не особо нужен: «сетка» – то активирована. Просто я ее в спящий режим перевел, чтобы не отвлекала. Человека, пользующегося имплантами, сразу видно. Тут чуть замер, тут притормозил. Недостаточно она пока совершенна. Не, в фантастических фильмах и играх эти сети такое творят, что мама не горюй. Поставили тебе супер-пупер нейросеть – и ты всем героям герой, плевком линкоры сбиваешь. А на самом деле нужно очень много тренироваться, чтобы действие имплантов не отвлекало, например, от огневого контакта с противником. Или не мешало вести мобиль или шлюп.

И потому просто пользователя «сеткой» сразу видно. А если учесть, что тут нейросети практически ни у кого не активированы, можно запросто проколоться. Это на фоне миллионов активных пользователей солдаты или какие другие профи выделяются тем, что практически не отвлекаются во время пользования нейросетью, а когда вокруг никто не общается через импланты, не обрабатывает поступившую информацию, не ведет переговоры через «паутинку» – то и самого тренированного спеца видно. Я уже пару раз отмазывался тем, что с Гердой общаюсь и потому «притушил» имплант, чтобы не отвлекал.

Но сейчас я отдыхаю и могу вроде как поспать. А тут хренушки кто поймет, чем я занят. Ого, минус восемнадцать. Нехило, здорово приморозило. Выходили – всего минус восемь было. Нет, прогноз обещал понижение температуры, но не с такой же скоростью. М-да, метеорологи все время дают точные прогнозы, но вот с датами постоянно ошибаются. Косячат как в двадцатом веке, право слово. Хотя тут у нас вообще примерно девятнадцатый, если по оружию судить и по технике.

С третьих от меня саней серебряными бубенцами разлетелся смех Грессии. Это Вера заставила нас взять свою ученицу. Мол, девушки пускай и каторжницы, но это девушки. И не след мужикам их как кур щупать, во-первых, а во-вторых, пусть хоть медсестричка при обозе, но будет. Мало ли, может, кому поплакаться надо из новеньких, так не здоровенным же страхолудным мужикам в полушубок? И потому hermanita довольнехонька, тем более что на этих санях ее знакомый паренек возниким. Кто бы мог подумать, парнишка из бескислородного мира, выросший в закрытых герметичных помещениях, среди железяк и механизмов, оказался талантливейшим коноводом, буквально с полувзгляда-полувздоха понимающим любую животику. Вот его с собой Николас Берг, владелец частной конюшни, и взял.

Ночевка была в небольшом заливчике. Вывели обоз на берег, распрягли лошадок, обиходили их, напоили подогретой водой (блин, прорубь пришлось мне рубить с Майклом), навесили торбы с зерном, и сейчас они стоят неподалеку, дремлют.

А мы расположились вокруг трех костров и после простого, но сытного ужина пьем чай и неторопливо беседуем о всяком-разном.

Я, например, с Сохатым разговорился. Он пилот межпланетника оказался, вот уж никогда бы не подумал. В отличие от меня, редко вылезавшего из метрополии, Сохатый помотался по галактике немало. Но и он не может опознать ни одного созвездия.

– Понимаешь, вполне можем быть с другого края Ланиакеи. А оттуда мы вообще ничего без мощного курсового не узнаем. Звездные карты с той стороны нашего кластера сам знаешь сколько стоят. – Здоровяк оторвал взгляд от зимних звезд и неторопливо, с шумом и хлопом, отпил чай с малиной, основательно разведенный медом и водкой. Ну, решили мы немного

расслабиться. Ничего, можно. Дежурная вахта не пьет, я заранее все со спутника осмотрел на десять верст кругом – тихо. Волчья стая только где-то вдалеке душевно так рулады выводит, аж Герда шерсть топорщит на загривке и нутряно рычит. Но не думаю, что даже полсотни волков решат напасть на наш обоз: волки кто угодно, но не идиоты. Да и не наступили еще лютые времена для волков вроде бы. Хотя кто его знает? На всякий случай все оружие держим под рукой и не расслабляемся.

Тиха зимняя ночь. Только лошади хрустят овсом, гулко переступают с ноги на ногу и иногда фыркают. Да порой свежим навозом с их стороны несет – что поделать, физиология.

Деревья все в инее, сверкают под светом луны и звезд. А сами звезды огромны и прекрасны. При этом ехидно подмигивают с высоты – мол, попробуй дотянись. Ничего, поглядим, что будет завтра, может, и сумею прервать эту ссылку! Точнее, сумеем. Вера из-за меня на этой планете сидит, хоть и говорит, что ей здесь нравится.

Достав для виду механические часы, я глянул на циферблат и, чуть свистнув, покачал часами на цепочке, привлекая внимание Стена Комински, дежурившего вместе со мной.

Тот кивнул и, подняв винтовку с поваленного ствола какого-то дерева, неторопливо подошел ко мне, давя целину снегоступами.

– Что, пора? – подавив зевоу, спросил он.

– Да. Зови Ронни, и идем к лагерю. Наш черед отоспаться. – Я тоже поднял свой левый перекинул его на согнутую в локте левую руку. Удобно так носить именно эти винтовки, право слово.

Дежурили мы в небольшом отдалении от места ночевки. Смысла нет сидеть около костра – все равно ничего не видно, ночное зрение перебивает пламя от горящих дров. Вот мы и отошли вверх по склону и заняли неплохие позиции. И как на ладони все, и сами скрыты, и неподалеку. Но сейчас надо смену будить. Я Майкла знаю, ни фига он не проснется. Дрыхнет, храпя при этом так, что снег с соседних деревьев осыпается.

Негра-здоровилу на самом деле расталкивали долго. Ну никак не скажешь, что он профессиональный офицер полиции, пусть и с заштатной планеты. Что он натворил, я не знаю, вроде как только наш мэр и шериф знают. Но что-то серьезное. Кого-либо пришиб наверняка.

– Уф!!! – Майкл выпрямился и стряхнул с груди остатки снега, которым растирался. Блин, я как увидел это – мороз по шкуре. Вроде как у меня предки русские и татарские, морозов бояться не должен, – но вот не люблю зимы. Тем более – здесь. Но, учитывая, что ничего не могу с этим поделать, просто жду весны и стараюсь поменьше шарахаться по улицам в мороз. Ну, насколько получится.

А вот мой темнокожий напарник – наоборот, от зимы тащится, как удав по стекловате. Знать бы, что это еще такое. Нет, удавов я видел, в зоосадах. Но стекловата – непонятно.

Так, Майкл и зима. Это черное недоразумение обожает зимний, подледный лов рыбы, играет в хоккей, нападающим, носится на лыжах. Вон снегом умывается.

– Не уф, а брр. – Я передернул плечами. – Ладно, принимай вахту, а я спать. До утра не будить, не кантовать.

И залез к себе в сани. С удивлением обнаружил отсутствие голованы. Герда откликнулась на ментальный зов, сообщив, что она спит рядом с Грессией. Типа холодно ей одной.

Ага. И голодно тоже. Нерманита ей скормила целую миску копченой мясной стружки и, видимо, этим подкупила мою зверюгу.

Блин, неуютно как лезть в холодную солому. Нет, не холодно, я тепло одет, но именно неуютно. Привык, что моя чудо-псина и место мне нагреет, и не скучно одному.

Герда передала, что я не одинок, перегнав картинку, на которой я, Вера и Герда сидим на берегу реки. Лето, теплынь, птички поют. Эх, скорее бы тепло. Правда, летом звезды не настолько яркие, разве после ливня.

Переговорив с Верой и пожелав ей спокойной ночи (на что она довольно ехидно отметила, дословно: «Ты мне спать спокойно не даешь, даже когда уехал в командировку! Будишь в три часа ночи! Но все равно я тебя люблю!!!» – и высыпала на страничку целую кучу смайликов), я поворочался с боку на бок, прислушиваясь к мышинному писку из-под снега. Каким-то образом у меня резко улучшились слух и зрение, хотя и раньше на них не жаловался, и сейчас я прекрасно слышу, например, как на том берегу кто-то сонно фыркнул. Наверное, лось или олень. Но ведь до того берега здесь почти километр! И со зрением, особенно ночным, что-то вроде творится. Вера говорит, что, вероятно, это реакция организма на новую среду обитания. Бог его знает, вроде грех на это жаловаться, но приходится учиться жить с новыми данными. Этот надоедливый мышинный писк, например. Раньше я его не слышал, а сейчас приходится игнорировать.

Потарашившись на сверкающие небеса, я каким-то незаметным образом уснул. И даже мыши не мешали.

Медвежье зимовье оказалось достаточно внушительной факторией. Здание буквой «П», с воротами и бревенчатым частоколом внизу буквы и большим крытым двором. Позади здания пристроены сараи и конюшни, пара хлевов, в которых мычат несколько коров и повизгивают-похрюкивают поросята.

Нас увидели издалека: мы специально выехали на открытое место. Тут народ не очень любит внезапных незнакомцев. Пара всадников подъехали, представились сами, дождались ответного представления, кивнули и поехали рядом.

– Ваши подопечные на этот раз не только азиатки и мулатки. Есть и европейки. Слушайте, не уступите беленьких десятков девиц? На той стороне готовы неплохо заплатить за девочек, есть один бордель. – Крупный бородатый мужик на сивом мерине кивнул на противоположный берег и испытующе глянул на меня. Вроде как с усмешкой, но глаза абсолютно серьезные.

– Нет. Город сказал привезти всех. А жаль, такая хорошая сделка накрывается. – Я тоже вроде как с усмешкой глянул на всадника, но сам остался собран и бдителен.

Начинаются неприятности. У меня последнее время на них нюх. Так-то раньше, пока в них не вляпаюсь, ни хрена не чуял. А вот сейчас прямо каким-то провидцем черным стал, в чем уже имел возможность убедиться.

Была пара случаев, когда я рыбакам хотел отсоветовать на лед выходить или каравану торговому выезд перенести. Так, в первом разе один из рыбаков под лед ушел и пикнуть не успел, как течением унесло. Все, никто больше не увидит, Великая своих зимних жертв вообще не показывает. А второй раз, с купцами – дерево рухнуло на сани. Одного насмерть, второго покалечило.

– Ну, вольному воля, – хмыкнул бородач и внимательно поглядел на наш обоз. Не нравится мне, как он глядит, как будто бойцов пересчитывает. – На всякий случай помни: мы готовы купить.

И ускакал вперед, к Медвежьему. И его спутник вслед за ним.

– Нехорошо. – Я соскочил с саней и подбежал к Сохатому, с ходу заскочив на его сани. – Не нравится мне это, друже. Совсем не нравится.

– Мне тоже, – кивнул великан, проверяя ремешки-крепления обрезов и откидывая их один за другим. После чего неторопливо вынул из кобур свои пистолы-переростки и, переломив стволы, проверил патроны.

Глядя на него, я тоже проверил свои револьверы. Нет, точно знаю, что они оба в порядке. И двуствольный пистоль во внутреннем кармане тоже, но его я вообще никому не показываю, о нем одна Вера знает из людей. И голована из остальных. Хотя вру. Наверняка вертухаи со станции знают. Мы с Верой разок чуть не засыпались, сняв коннекторы и оторвавшись по

полной программе. И утром чуть не забыли их надеть, открывая соседям. Как спохватились, до сих пор не понимаю.

Так что теперь мы их вновь никогда не снимем. И пусть Сэм уверяет, что за нами бдят спутники и компьютеры и интересуется их только наше местоположение и функциональность – не верю.

Но честно скажу – похрен, пусть смотрят, как я с Верой занимаюсь любовью, и завидуют!

Медвежье придвинулось, мы сейчас ехали сквозь небольшой городок, образовавшийся перед въездом в факторию. Несколько гостиниц, салун, пара платных конюшен. Коновязи, санные следы. И достаточно много свежего навоза около одной из них, а следы ведут в полусгоревшую развалину, когда-то бывшую амбаром.

И два мужика посреди дороги, невозмутимо ждущие нас, положив руки на рукояти пистолетов.

Сзади глухо, злобно зарычала Герда, передав мне ощущение множественной опасности. Она уже давно на взводе, с того самого момента, когда нас «приветили» всадники из фактории.

– Следите за тылом и флангами, мы возьмем тех, что впереди.

После моих слов возница кивнул и положил ладонь на приклад тяжелой «бизоньей» винтовки. Я же соскочил с остановившихся саней и неторопливо подошел к первым, с которых поднялся Сохатый.

– Эти, на дороге, точно не одни, – вполголоса отметил он, положив ладони на рукояти своих тяжелых обрезаков. – Так что они мои, а ты ищи других стрелков.

– Хорошо, – так же тихо ответил я и пошел за ним.

Герда сейчас изо всех своих ментальных сил указывала на бывший амбар как на наиболее опасное место. Но кроме него должны быть и еще стрелки, потому что трое передних саней закрывают директрису стрелкам на дороге и в развалинах. И потому я попробовал поискать их со спутника. Но меня ждал жестокий облом – на данный момент он находился далековато и ожидался сюда не раньше чем через двадцать минут.

– Приветствуем вас, многоуважаемые жители прекрасного знаменитого расчудесного города Звонкий Ручей. – Один из встречающих издевательски снял шляпу и на манер киношного мушкетера пару раз махнул ею перед собой, чуть поклонившись. – Просим вас уступить нам за малую денежку прелестнейших созданий, кои томятся в этом жутком, малогостеприимном месте, называемом Медвежьим зимовьем.

Ну да, фактория являлась малой крепостью, и на ее территории не позволялось много чего. И на какое-то время за сохранность девиц можно было не опасаться. На время, оплаченное нашим городом. После его истечения примерно за сутки товар должен быть забран. Или он будет выставлен на распродажу немедленно.

Люди могут жить до тех пор, пока могут за это платить, или их выставят за порог. Таковы правила этого местечка. И эти ребята отлично про них осведомлены. Раз так, они должны точно знать, что нападение на жителей нашего городка вызовет ответную реакцию всего графства, и их будут искать. То есть эти ребята не отсюда или, наоборот, надеются отсюда свалить с хорошим прибытком. А почти четыре десятка молодых женщин – серьезный куш. Интересно, какая сволочь проболталась? Скорее всего, не из фактории, там, конечно, те еще сволочи и воротилы, но слово свое блюдут крепко.

Из нашего городка? Но как успели передать весточку и собрать отряд? Тут связь самая быстрая – мужик на резкой лошади. А мы выехали на следующий день после того, как к нам пришла шифрограмма.

Ладно, будем решать задачи по мере их поступления. А пока – я четко услышал, как в амбаре звонко взвели курки винтовок. В этом я уверен на все сто, я мышцей гребаных по головам различаю, не то что оружие. Значит, у них две «бизоньи» винтовки и один леввер, «винче-

стер» лязгнул затвором, тоже «бизоний». Звук отчетливый, сложно перепутать. И почему его остальные не слышат?

И еще что хорошо – я понял, где сидит еще один стрелок. Все-таки обострившееся восприятие – классная штука, трех я вычислил по звуку взведения винтовок, а еще одного по запаху. Ну не стоит перед делом крепко выпивать, да еще закусывать чесночными лепешками. И потому...

– Бей!

В руки прыгнули, как будто сами, рукояти револьверов, отполированные моими ладонями за время тренировок. Практически одновременно тяжелые пистолеты сорок пятого калибра выстрелили в двух верхних стрелков, а через мгновение я стрелял по нижним. Стоя на месте, без всяких идиотских перекатов. Некогда кататься, пуля быстрее.

Громыхнули обрезы Сохатого, и один из стоящих на дороге парней свалился, как будто из-под него землю выдернули. А второй – нет, стоял и пытался поднять ставший тяжелым револьвер.

Все это я видел краем глаза, достреливая оставшиеся в барабанах патроны по амбару, сквозь обгорелые доски целя в свалившихся стрелков.

Сзади грохнуло несколько винтовок, и два раза ахнул дробовик восьмого калибра, принадлежащий Бергу. Стреляли куда-то вбок и назад.

– Ты чем стреляешь? На полсотни метров, сквозь доски? – Спокойный, как удав Каа, Сохатый, словно мы только что не стреляли по людям, неторопливо подошел к недобитку и вытащил у него из руки револьвер. – Нет, этот не жилец, ни хрена ничего не расскажет.

Тот попытался рассмеяться, но захаркался пошедшей изо рта кровью. Плюнул на валенок великана и упал, после чего больше не шевелился.

– Пулями, друже, пулями. – Я перезарядился и стоял, вслушиваясь с тишину амбара. Ну, тишина не полная, на втором этаже кто-то хрипит, а на первом тихонько, на одной ноте, скулит. – Пошли поглядим?

– А они нейтральны. Тут мы можем перестрелять друг друга, но не на их земле. Заметил, стрелки располагались на ничейной? Никто не залез на другие крыши или на чердаки? – Я кивнул на те дома, что остались позади. И из-за которых попытались выскочить остальные лиходеи. – Будь уверен, Медвежье крепко держит нейтралитет.

Ну да, мне тут всю политику местного народа рассказали. Они нейтральны. На их земле запрещены перестрелки, преследования, погони, аресты и прочая насильственная деятельность, так сказать. Пока у человека есть деньги и он может позволить себе жить в фактории – его никто не тронет. Разве возьмет штурмом все зимовье и перестреляет его жителей.

Но закончились деньги – будь добр покинь факторию. Никаких долгов, чеков, расписок. Только наличные – деньги, золото. Есть ломбард, в котором можно заложить имущество, причем по достаточно разумным ценам. Но никаких обещаний, только наличка.

Наши подопечные сейчас живут в оплаченных городом комнатах и на оплаченные городом харчи и прочее. Еще им осталось шесть дней. После этого их просто выставят за порог зимовья.

Если бы нападавшим удалось перебить нас, им осталось бы просто подставить ладони. Куда посреди пусть и не самой лютной, но снежной и морозной зимы денутся девушки – без припасов, оружия, средств передвижения? А тут им точно никто ничего не даст. И не оставят в фактории. Из принципа не оставят. Чтобы потом наш город ничего не сказал.

Возницы и волонтеры заняли оборону в санях, а мы с моим новым напарником пошли в амбар.

– Нехило. – Сохатый ткнул пальцем в обгоревшую, но все еще толстую доску. В досточке было немалое выходное отверстие. – Так, говоришь, пулями? В этой доске пуля из твоих револьверов увязнет точно.

– Свинцовая – да, – кивнул я. И вытащил из патронташа один из патронов. – Но не эта.

– Ого, – присвистнул Сохатый, разглядывая цельноточеную из красноватой бронзы, с литой свинцовой рубашкой пулю. – Надо же, и кто у нас такой умелец?

– Я сам точил, в мастерской порта. – Ну да, нашел в старых каталогах рекламу цельноточеных пуль. И решил попробовать сделать себе. Месяц возился. Я еще попробовал стальные сделать, с калеными сердечниками. Но мороки с ними немерено, так что остановился на бронзе. – Хорошая штука вышла. Жаль, осталась одна-единственная, остальные простой свинец. Уж больно много работы с ними. – Это не совсем правда, у меня еще в маленьком пистолетике-переломке, который под мышкой спрятан, пара таких патронов. Но это мой персональный секрет.

С этими словами я подошел к затихшему стрелку. Ну, к тому, который скулил. Около тела лежала старая, основательно поработавшая многозарядная винтовка Спенсера пятьдесят второго калибра и такой же древний помповый дробовик.

Неплохая позиция. Передние трое саней четко простреливаются насквозь. И судя по всему, у остальных позиция не хуже. Если бы не страсть к театральным эффектам – перестреляли бы нас как кур на насестах.

Слава богу, что тут фугасы установить тяжело. Нет, закопать бочата с порохом и гвоздями можно – сложно точно в рассчитанный момент подорвать. Здешний огнепроводный шнур горит неравномерно, долго и сильно дымит. Здорово сильно, а уж по нынешней морозной и ясной погоде его не то что я, его и сонный Чокнутый Билл с саней почти в конце обоза заметит. А всевозможные игры с терочными запалами или холостыми патронами и бечевой просто чреватые тем, что вмерзнет бечевка в наст, и все тут. Крутые оттепели тут не редкость. А то и просто внезапное длительное потепление: не зря здесь буки и грабы растут.

Наверху прошуршало, как будто кто-то ногой пошевелил. Живой остался один из стрелков?

– Тихо! – едва слышно прошипел я, взводя курок пистолета и целясь в источник шума. Еще шорох, еще.

– Бах! – Бронзовая пуля пробила толстую половую доску точно в том месте, где шуршало. Не, ну не полезу же я наверх с шашкой наголо? Это только в исторических сериалах так бывает.

Сверху кто-то взвизгнул и в пару легких прыжков исчез. Похоже, в окно сиганул.

– Интересно, кого я спугнул? – так же целясь в потолок, спросил я больше сам себя.

– Не знаю, но сейчас посмотрим. – Сохатый вытащил из набрюшной сумки интересное приспособление – небольшое зеркальце на длинной проволочной ручке. С ним он бесшумно, как огромный кот, прокрался к добротной сколоченной лестнице из толстых сосновых хлыстов, и взобрался на пару ступеней. Выставил зеркальце наверх и пару минут осматривал второй этаж. Ну, насколько это возможно в таком положении.

А я слушал. Нет, тихо. Только ветер и снег, крупной молотящий по половым доскам.

– Валяется кусочек хвоста – может, белка, может, куница. Я не знал, что ты любитель пушнины. – Великан усмехнулся и продолжил осмотр. – А больше из живых никого. Два тела около бойниц, и все. Полезли, поглядим. – Сохатый было хотел залезть, но я не согласился. Сначала нужно второго стрелка проверить – до него пришлось добираться через слегка расчищенные завалы из обрушений. Тут перекрытия не выдержали, и потолок рухнул.

Этот лежал на самодельном поддоне, утепленном толстой попоной. В шапке выходное отверстие, кровянистые потеки. Вот у этого ружбай классный, правда, не для городских засад. Точнее, не для таких засад. Другое дело кого-либо выследить и пристрелить – самое то. Мощная «бизонья» винтовка, легендарный шарпс, под унитарный патрон сорок пятого калибра, почему-то называемый здесь «Библия Бичера». Толком никто не знает почему, что-то связано с древними событиями на Земле, с Первой Гражданской войной в США. Надежный, отмен-

ный ствол, правда, однозарядный. Но зато именно этот экземпляр со стволом подлиннее и с откидным диоптрическим прицелом.

– Забавная вещица, надо будет попробовать. – Я подобрал винтовку, перекинул через плечо висящий на гвозде патронташ, собрал подготовленные патроны в длинных латунных гильзах, аккуратно выстроенные на накрытом куском газеты кирпиче. Расстегнул оружейный ремень, снимая с тела револьвер. Проверил карманы куртки и рубашки. Во внутреннем кармане оказался брат-близнец моего потаенного дерринджера. Денег кот наплакал, правда.

На втором этаже тоже два тела. Сохатый уважительно покачал головой, глядя на пулевые отметины.

– Ну, ты наострился с револьверами обращаться, браток. Навскидку, на слух, на полста метров, и так точно. Каждый из первых выстрелов – в цель. – Мой напарник подобрал винчестер с расколотым пулей ложем, покрутил его и протянул мне. – Бери. Тут просто приклад под замену, механизма ты не задел.

– Мне вот что интересно. – Я задумчиво покрутил в руках патроны от винчестера (у моего марлина такие же, кстати). Сравнил этот патрон и от трофейной однозарядки. – Тут и тут сорок пятый, но у шарпса гильза здорово длинней. А можно из него этими, короткими патронами стрелять?

– Наверное, можно. Но нужно ли? Это дальнобойный ружбай, я видал, как из такого на версту оленя сняли. Так что просто научись из него стрелять, и все. – Сохатый поднял еще один дробовик и спенсер, поглядел, как я переворачиваю тела, обшаривая их в поисках трофеев. – Пошли, надо обозных проверить. Да и в факторию пора, холодного пивка выпить охота, в баньке помыться, пожрать вкусно.

– Надо сначала девок принять, по описи. – Я закинул на основательно нагруженные плечи еще три оружейных пояса. Засунул сзади за пояс ладный топорик, который решил оставить себе. Сошью для него чехол и буду таскать на дежурствах постоянно. А что, мне разок пришлось заколоченную дверь ножом расколупывать, чуть ножик не сломал, хороший. А этот явно мастер ковал. Легкий, на добротном топорике. Сгодится. А то мои потяжелее. – Неплохо снарядились бандюки, а, Сохатый?

– Да ну, шелупонь. На обувь погляди. – Великан пренебрежительно пнул ногой тяжелый ботинок на ноге бывшего стрелка. – Видишь, еще те ботинки, в которых сюда забросили. А сейчас уже зима. Да и из оружия только два добротных ствола. Спенсеры-то муторная вещь, да и для такой засады лучше мосинки или длинного Лебеля на восемь патронов не придумаешь. А тут с чем были, с тем и пошли. Да и все стволы, кроме твоего шарпса, ну очень здорово юзаны, старье. Даже винчестер. А за спенсеры в лавке больше десяти кредитов никто не даст. Дробаны вообще дрова, к слову. Разве безденежный новичок такие купит.

Хм. Я с такой стороны на это не смотрел. А потому вытащил один из трофейных револьверов и внимательно оглядел его. Ну, пистолет явно не из новых, но неплох. Да вот ухода за ним почти не было, грязный, и уже ржавчинка побежала. Видно, не вбито в подкорку бережное отношение к оружию и обязательный уход.

С одной стороны, оружие древнейших моделей, для него совсем другое сбережение нужно, нежели для современных станнеров или, например, того же FNXX. Но с другой, те, кто прожил на этой планете хоть год, уже знают, как правильно обращаться с этими моделями, и основные точки смазки. Хотя не это главное.

– Хреново, что пленных взять не удалось, – сбрасывая трофеи в сани Сохатому, сказал я. – Кто нас сдал, где? Да еще теперь на обратном пути надо беречься: могут где-нибудь подкараулить и убить нескольких, просто ради мести. Давай, поехали. Не стоит тут торчать, как три «тополя» на Плющихе. – Хрен его знает, когда и кто разместил древние ракетные комплексы на этой улице и для каких целей. Но это давно вошло в поговорку.

Пропустив мимо себя все сани обоза и перебросившись парой фраз с волонтерами и возникшими, я встал на полозья завершающих обоз саней.

– Ну, как дела? – Я вытащил из рук моего чернокожего напарника бутылку с местным вискарем и отхлебнул глоток. Алкоголь огненным комком прокатился до желудка и растекся теплом. Неплохо, право слово.

– А то не видишь? – Негрилла ткнул пальцем в трофейных лошадей, которых привязали к задку этих и впередиидущих саней. Удирая, уцелевшие бандиты не успели забрать всех лошадей, обозу достались семь кляч разной степени потрепанности. Ну как кляч? По сравнению с нашими лошадьми: у нас в обозе кобылы отменные. – И вот! – Толстый черный палец с розовым ногтем уткнулся в грудой лежащие на санях трофеи. Несколько дробовиков, те же спенсеры, старые револьверы. Брезентовые патронташи, оружейные пояса, ножи, котелки, какие-то мешки с припасами. Даже кованая тренога для котла и то лежала. Ну, тоже трофей, тоже стоит денег.

Майкл сидел гоголем. Именно он здесь командовал и принял бандитов в штыки. И командовал успешно: у нас только несколько обозников, покоцанных выколотой пулями щепой с бортов. У саней хоть борта и не из сталепласта, но из толстого хорошего дерева. Как показала эта перестрелка, для картечи и мягких револьверных пуль весомая преграда. Неплохо обозники отстрелялись, кстати. Четверых сняли и добились сосредоточенным огнем. Так что и тут облом, никаких «языков». Мертвого ведь теперь не допросишь.

– Держи, офицер. Может, поможет. – Возничий Климент Ефремов перебросил мне старую, основательно потертую и засаленную брезентовую сумку. – Тут какие-то бумаги, может, что выловишь. Но, пошла!

– Поглядим, спасибо. – Я расстегнул латунный замок и заглянул внутрь. Точно, куча каких-то писем, что-то еще. – Сдам шерифу, пусть ломает голову. Его работа.

– Точно, ему за это деньги платят, – хмыкнул Майкл, разваливаясь на соломе и закидывая ноги на трофеи. Приглашающе похлопал по соломе рядышком. – Садись, партнер. В ногах, как вы русские говорите, правды нет.

– Ну, мало ли что и кто говорит. Главное, не говорить слишком много. – Я усмехнулся и выдернул из-под напарника заинтересовавший меня ружбай. – А это что за агрегат? Спрингфилд? Надо же, откидной затвор. Майкл, что за недотепы напали на нас? Ни одной болтовой винтовки, сплошь американский Дикий Запад! Тебя ни на какие мысли это не наводит?

– Наводит, – согласно кивнул напарник, раскуривая сигару. – Форт-Вашингтон. Там, и только там, продают всевозможное старье с уклоном в американскую седую древность. Знаешь, я вот понять не могу – неужели на Вашингтоне и Линкольне так много фанатов этого самого Дикого Запада?

– А аллах его знает. – Я все-таки уселся на сани и пару раз прикинул винтовку к плечу. – Заберу в коллекцию? Дома я за нее или мосинку, или «французенку» короткую отдам.

– Да бери, не жалко. Тем более что не мое, из общих трофеев. Клим, не возражаешь?

Возница спокойно обернулся и глянул на винтарь в моих руках. Покачал головой.

– Нет, господа полицейские, мне такой хоккей не нужен. У меня моя длинная «французенка», и мне ничего другого не надо. – И я похлопал ладонью в рукавице по ложу восьмизарядного Лебеля.

Тем временем мы доехали до раскрытых ворот, в которых все наше длинноствольное оружие опломбировали и пропустили обоз в факторию.

– Ну вот, сюда приехали. Осталось отсюда уехать и добраться до дома. – Я погладил по голове Герду и подмигнул Грессии. – Не переживай, hermanita, доберемся.

– Я не переживаю, – гордо задрала носик девчонка и, фыркнув, засмеялась, когда Герда лизнула ее в самый задранный нос. После чего началась борьба с потютюшками между голованной и человечкой.

Негманита показала себя смелой девчонкой, тоже стреляла по бандитам, лежа в санях, высунув руку с револьвером и стреляя куда-то в ту сторону. Конечно, вряд ли в кого попала, кроме ворон, но сам факт! Молодец девочка!

– Шейла Брауберг. – Я поглядел на стоящую передо мной девушку. Темно-рыжие волосы цвета старой бронзы, кареглазая. Высокая, статная, длинноногая. Пластичная и гибкая. Характерец еще тот, похоже, настоящая дикая кошка. Сейчас стоит и чуть не фырчит. – Вы выкуплены городом Звонкий Ручей. По доставке в город будете определены и заключите с городом договор о погашении долга. Проходите, садитесь.

Девушка прошла мимо и уселась на длинные скамьи, расставленные вдоль стен этого длинного холла. Нормальное такое помещение, высокое, плохо освещенное. Самый раз для работорговли. Прямо Себастьяном Перейрой себя чувствую. Только негритянок всего четыре. Остальные или европейки, или азиатки. Или не поймешь кто.

– Кетлин Йохансон. – Передо мной стояло чудо с зелеными волосами и желтыми глазами. Блин, и тут эти оторвы генномодифицированные. Интересно, сколько у нее сисек, две или больше? Последний писк до окончания моей прошлой жизни среди таких девиц был – трехсисецье. Хотя вру, такое было лет восемь назад. Сейчас делают еще хвостик такой, демонический. Откуда знаю? Ну, кроме того что об этом с неделю тряндели все новостные каналы, еще угораздило спутаться с такой девицей в увольнительной. Еще рядовым, и только-только стал служить абордажником после учебки.

Ева, так звали ту чумную девчонку. Стройная, длинноногая, с роскошными фиолетовыми волосами и красными, чуть светящимися в темноте глазами. Она обкуренная, размазывая кровавую юшку по лицу, пыталась отмахаться от троицы гопников, которые тащили ее в древний минивэн. Ну, я такой красивый и вписался. Выдал пару крутых плюх правому и левому и словил очень нехилый такой хайкик от третьего. Конкретно словил, полный нокаут. В себя пришел через минутку, а девица лениво пинает хладную тушку этого кикбоксера.

Она ему левым, «скрученным», то есть поставленным на максимальную мощность, станнером мозга сожгла. Успела достать из-за пазухи, пока он мной занимался. Та сладкая парочка, которых я вырубил, очухалась. И злобно так на нас посматривают. А Ева им ласково:

– Сложили бабки, дурь, стволы вот сюда, – и носочком своего шуза показывает на спину кикбоксера. А после того как обобрала незадачливых насильников, шарахнула в них оглушающим разрядом и повернулась ко мне: – Ну что, солдатик? Ты такие кары водишь? Если да, то погнали вниз, курнем и потрахаемся.

В общем, свалили мы оттуда на угнанной тачке, с пакетом травки, хоть и выращенной в искусственном грунте, но улетной, и парой бутылок жуткого пойла. И я с Евой до утра кувыркался в минивэне, припаркованном на нулевом уровне, в развалинах старой фабрики. А что, классная девчонка. Ну да, чокнутая, зато веселая, страстная. И третья сиська ей совсем не мешала, напротив, было здорово прикольно. Чуть не опоздал из увольнительной. Пару месяцев мы периодически встречались, она пригоняла этот старый минивэн, уже раскрашенный психоделиками из ее банды, и мы гудели в развалинах нулевого уровня Нового Шанхая.

А потом ее убили, с парой ребят из ее банды. Я на вахте был месяц, на станции, вернулся, а ее нет. Только капсула в стене кладбища в Новом Шанхае. Так, хорош воспоминаний, эта оторва заждалась.

– Сколько сисек, Кетлин? – не удержавшись, спросил я. Ну ни хрена не видно под паркой, только то, что они есть.

– Три, командир. Хочешь пощупать? – съязвила модификантка и, распахнув парку, задрала свитер. – А хвоста нет, не успела вырастить.

– Класс! – Я поднял большой палец. – Но пощупать не могу, я на службе и почти женат. Так что оставь свою роскошь какому-либо счастливчику. Проходи. А сиськи классные!

Ну да, отличные титьки. Главное, что это чистая девка, не кастрат-переделка. Значит, рожать сможет. Это основное условие нашего города. Здоровая детородная особь женского пола не старше сорока пяти лет. Кстати, по нынешним временам совершенно не возраст для женщин, они и в сорок пять как двадцатипятилетние выглядят.

Усмехнувшись, Йохансон поправила одежду скованными руками и прошла в холл, усевшись неподалеку от Шейлы. Все девицы были в стальных наручниках. Да только наши шелкнули клювом, не оговорили на этот раз в договоре с Медвежьим, что наручники являются собственностью города. Перед выходом придется с девиц снять железо и вязать руки веревочными путанками. Ну, в принципе никакой разницы.

– Полина Морозова. – Я поднял глаза на пухленькую, белобрысую и голубоглазую ссылную с Матрены. Планета вроде как русского сектора, но заселена сектантами-«последышами». Ну, «Последующие за Господом нашим», странная секта, которая запрещала большинство достижений современной цивилизации. Набрала около семидесяти годов назад нехилую мощь на Земле, на территории России. Около семи миллионов «последышей» начали бузить, требуя землю, «чтобы жить по Его заповедям».

Ну, им и предоставили землю. На кислородной планете, на краю русского сектора Федерации. Всех и переселили, оставили на полста лет. И здорово удивлялись пятьдесят годов, что они не вымирают. Удивлялись до тех пор, пока не получили ультиматум от планет Протектората Русской Армии – или обеспечивают нормальное функционирование государства на Матрене, со всеми благами и обязанностями, или эту планету и ее жителей забирает Протекторат.

Интересно, что натворила эта пухлая симпатяшка?

– Проходи. Следующая! Ким Ын Ли. – Кореянка, но с Верной, тоже планеты русского сектора. Красивая девица, очень. Густые черные волосы, темно-карие глаза, лицо красивое, вот про фигуру ничего не скажу. Надо было заставить девок снять парки, но хорошая мысль приходит опосля. – Проходи, садись. Так... Зилола Фатих!

Ко мне подошла красавица-брюнетка. Однако... городу достался неплохой улов. Если еще эти оторвы, сумевшие получить немалые сроки на своих планетах, успокоятся и займутся делом, будет здорово. Классные девки, ничего не скажешь! – Проходите, Зилола, садитесь.

Я не стал рассказывать каждой, что ее ждет. Вместо этого прогнал их всех мимо стола, оглядывая и просматривая в делах степень тяжести совершенного. Ну надо же хотя бы приблизительно понять, чего стоит ждать от этих красавиц.

Около часа визуального знакомства, после чего я встал и прошел пару раз туда-сюда мимо сидящих на скамьях молодых женщин. М-да, и хрен скажешь, что этот цветник осужден за особо тяжкие преступления на пожизненное или на смертную казнь. Жаль, очень жаль, что в папке нет приговоров и статей, это облегчило бы понимание.

Хотя чего я? Даже Вера, хоть и отменили ей приговор, но тоже статейка у нее ой-ей. Тут, на этой планете, нет ни одного не получившего серьезнейший срок. И, например, финансовое мошенничество по тяжести последствий может оказаться серьезней простого убийства. Я знаю одного кадра, который прокрутил аферу, из-за которой обитатели станции просто погибли. Полторы сотни человек раз – и все. Никто не ждет удара от своих.

Пройдясь еще раз, я остановился посредине и заложил большие пальцы рук за оружейный ремень. Есть у меня такая привычка, со службы осталась.

– Итак, дамы! Вы все выкуплены городом Звонкий Ручей у ваших правительств и являетесь должницами. Ваши приговоры остались в прошлом, теперь вы будете жительницами нашего гостеприимного городка.

Вы по прибытии в город подпишете договор, в котором обязуетесь в течение двадцати пяти лет вернуть выплаченную за вас сумму в городской бюджет. Это достаточно реально, хоть и не сказать, что слишком легко. Но свобода того стоит. Да-да, леди, свобода. Над вами не будет надсмотрщиков, клеток, тюремщиков. Вы будете свободны в своей жизни, свободны

жить, свободны в выборе спутника жизни. Кстати, за рождение первого ребенка (разумеется, как жительницам города) с вас спишут четверть суммы. За рождение второго еще четверть. За рождение третьего – с вас спишут весь долг. Разумеется, вы должны будете растить детей, воспитывая и холя их. Учтите, что хоть у нас и нет ювенальной юстиции, правила воспитания детей в городе есть. Они должны быть любимы, сыты, одеты, обучены. – Я поглядел на сморщившуюся молодую девчонку Иннес Гонсалес. – Кто не хочет семьи и детей, та просто выплачивает долг по обычному графику. Работы в городе хватает, можете не волноваться.

– А если я не хочу работать поварихой или швеей? Я, может быть, элитная проститутка? – откинувшись, чтобы все видели ее высокую грудь в распахнутой парке, спросила рыжая девица. Как ее? Хелен Шульц.

– В городе есть несколько публичных домов. Пожалуйста, если вы предпочитаете работать на спине под клиентом, то и вам найдется дело. – Я усмехнулся, вспомнив пару посещений этих заведений. Разумеется, строго по работе.

Кстати, у Веры есть три ученицы от этих контор. Ну, в салоне красоты, которым она заведует.

– Итак, продолжу. Милые дамы, прошу вас учесть, что эта планета является планетой-тюрьмой. Здесь абсолютное большинство жителей являются осужденными за тяжкие и особо тяжкие преступления. Учтите это. Да, вам может казаться, что мы здесь вежливые и мирные, но человеческая жизнь тут стоит ровно столько, насколько вы готовы ее отстаивать. Ну или жить в городе вроде нашего, где существуют жесткий закон и порядок. Вы наверняка слышали перестрелку? – Девицы оживленно зашущукались и закивали. – Так вот, это была засада, чтобы уничтожить наш обоз. После уничтожения обоза вас бы через три дня выставили на улицу, за ворота фактории. И путь ваш был бы один – на правый берег Великой. Вы спросите, какая разница? Разница в том, что у нас вы должницы, а там будете рабынями. Учтите это.

– А если я не захочу жить в городе? – выкрикнула шатенка, с которой я познакомился первой, Шейла какая-то. Блин, ну не настолько я еще полицейский, чтобы запоминать фамилии с первого раза.

– С вами будет заключен договор о выплате долга и процентов. Проценты высокие плюс обязательно нужен будет поручитель, причем поручитель кредитоспособный. То есть слово которого не подвергается сомнениям. И после этого вы свободны в выборе места проживания. – Я поглядел на зло сузившую глаза девушку, с усмешкой выслушал недовольные перешептывания на заднем ряду (слава моим возросшим сенсорным способностям!) и продолжил: – Девушки, вас никто не неволит. Но вас вытащили из петли или газовой камеры за деньги. За большие деньги. И вы просто должницы.

– Я бы лучше в одиночке просидела, – зло выкрикнула сзади молодая шведка. – У нас хоть нейросети частично активированы у заключенных. А тут... тут глухая грязная дыра!

– Тут можно жить, и жить хорошо. Нейросети не самое главное, а сетевые игры никогда не заменят реальной жизни. У вас в любом случае будет шанс это проверить, так как минимум двадцать пять лет вы проведете здесь. Это как раз тот срок, который необходим вам для того, чтобы иметь возможность подать прошение о помиловании. – Я оглядел девушек, сидящих в полутемном холле. Слова гулко падали в большом помещении, отражаясь от стен и сводов крыши, под которыми висели вязанки сушеной рыбы. От этого в холле стоял терпкий аромат солонины.

– А если мы не захотим платить? – это одна из девяти китаянок. Кстати, надо будет с ними потом отдельно переговорить, Грессия после беглого осмотра, сделав большие глаза, успела мне шепнуть одно слово: триада.

– Тогда вас будут судить. Что присудит вам судья – не знаю. Наверняка штраф плюс еще что-нибудь. Общественные работы, порку кнутом, долговую тюрьму. Не знаю, я один из помощников шерифа, всего-навсего. Мое дело и дело моих товарищей – доставить вас в

город. – Я подошел к тяжеленному стулу и, развернув его, уселся верхом, положив руки на спинку. – Дамы, хочу вас предупредить. Вы все, точнее, многие из вас считают себя очень крутыми. Вероятно, там, где вы жили, так и было. Но тут... тут, дамы, вся планета заселена теми, кто совершил тяжкие преступления. По злему умыслу, случайно, из мести или отчаяния. Вы здесь одни из многих. Свои среди своих, равные среди равных. Тут не станут звать полицию: если вы решите ограбить – вас убьют. Если вы захотите кого-либо убить, помните, что это правило тут играет в обе стороны. И получить при этом пулю или четверть метра каленой стали в живот – вполне вероятно. И при этом закон (если он есть, разумеется) защищает того, кто обороняется. Если вы затеяли драку в салуне – виновны вы. И будете платить. Если вы взяли за оружие и хотели кого-то убить из корысти или просто желания позабавиться – вас повесят. Суд будет коротким, но справедливым. Вас привезли сюда на коптере, и вы не видели этого мира за пределами фактории. Погодите куда-либо бежать, не торопитесь. Приедете в Звонкий Ручей, заключите договор, а там осмотритесь как следует. Кстати, после заключения договора вы станете полноправными горожанками и сможете купить любое оружие. Но, разумеется, будете отвечать за последствия.

– Любое? То есть этот ржавый хлам? – Одна из пока поселенок пренебрежительно указала на мои револьверы.

– Хм... – Я неторопливо вытащил короткоствольный «тейлорс» и внимательно осмотрел. После чего достал смит-вессон, тоже осмотрел, переломил и прокрутил барабан, собрал револьвер и, картинно крутанув на пальце, спрятал в кобуру. – Ржавчины нет, слава богу. А то я испугался. А что до хлама – сегодня я убил из этих пистолетов четверых. Да, конструкция древняя, мощность по сравнению с современными пистолетами меньше раз в двадцать, но этого достаточно, чтобы надежно убивать. Как гласит древняя американская поговорка: «Бог создал человека, а полковник Кольт дал ему равные шансы». Так вот, это поговорка как раз про такие пистолеты.

После чего вновь неторопливо прошелся мимо сидящих поселенок. Блин, чувствую себя как на лекции в колледже, где разок пришлось выступать перед студентками. Там, правда, девицы решили меня засмущать и типа пристально меня разглядывали. Но абордажники просто так даже красивым девчонкам не сдаются! Так что я сразу после лекции рванул в бордель, пар спускать.

– Итак! Дамы, завтра мы выезжаем отсюда. В обозе вы будете ехать по пять или шесть человек на одних санях. Сразу определитесь, с кем бы вы хотели ехать и с кем бы не хотели. Из вас, разумеется. Кроме того, на санях будет возничий и сопровождающий. Без обид, но до города вы будете ехать со связанными руками. Наручники с вас снимем перед выездом. И будете привязаны еще к саням. Мне только проблем с вами не хватает. Сразу по приезде вас развяжут, и делайте что хотите, наша задача на этом закончится. На привалах и ночевках вы также будете связаны группами, так что пописать-покакать будете ходить мелкими группами. – Я поглядел на здорово недовольных поселенок и продолжил: – Так, дамы, внимание! Я еще не закончил. На улице зима. Вы одеты (кстати, за счет города) достаточно тепло, но в санях кроме свежей соломы еще будут кошмы и волчьи шкуры, под которыми укроетесь. Ночевать тоже будете в санях, там места хватит. Пусть будет тесновато, зато тепло. Все всё поняли? Тогда, если есть желание помыться, поторапливайтесь, я договорился насчет купальни. У вас будет час на все про все. После чего не заставляйте вытаскивать вас из бани силой. Поверьте, нет в этом ничего прикольного, нечего хихикать. – Я грустно усмехнулся, покачав головой. – Понимаете, дамы, это невесело – мокрой, в мыле, вылетать из купальни. Волосы не прополосканы, не высушены, потом на шушей болотных похожи будете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.